

САБИК-ВОГУЛОВ

*В побежденной
Германии*

ФЕВРАЛЬ 1947 ГОДА

Вместо предисловия

Я не журналист.

Я только офицер Советской Армии, прошедший боевой путь от Сталинграда до Берлина. Я награжден орденами и считаю, что перед лицом Русского Народа я их заслужил, но получил эти ордена из рук тех, кого я ненавижу всеми фибрами русской души.

Я решил написать всю правду о страшной российской действительности, ибо дальше молчать нельзя.

Читатель!

Эти строки пишет простой русский человек, сын уральских крестьян, сам рабочий, окончивший рабочий факультет, а после него—два высших учебных заведения.

Соотечественники!

Есть ли в так называемом СССР хотя-бы одна семья, которая не знала бы горя, которая в той или иной мере не стала бы жертвой засевших в Кремле деспотов? Всем вам, кто еще остался в живых, отравили и изуродовали жизнь. Я—один из вас—тоже жертва «счастливой, радостной» сталинской эпохи.

Эти строки пишет человек, который как мог боролся с разложением сталинских выскочек и заставлял их по-настоящему воевать против внешнего врага.

Все труднейшие дни я был со своим народом и вместе с ним переносил все издевательства антинародной диктатуры.

Я как и большинство русских людей, безропотно

нес свой крест с горячей надеждой на то, что народы мира помогут русскому народу после войны избавиться от большевистского кошмара.

Я тщетно после войны ждал год.

И вот я решил во всю мощь русского голоса прокричать.

— Спасите!

Лично сам я не нуждаюсь в спасении, ибо моя жизнь прожита, а ее остаток я посвящаю только борьбе со сталинским коммунизмом.

Спасать надо все человечество и в том числе русский народ, иначе будет поздно.

С самозванными «представителями» русского народа разговаривают и проводят приятно время на банкетах дипломаты почти всех стран. Они, эти дипломаты, не чувствуют запаха крови десятков миллионов замученных людей, которой пропитаны молотовы, вышинские, мануильские. Они, эти дипломаты, не видят крови на подлых руках громых и лицемерно строят воздушные замки о «всемирном сосуществовании» двух систем.

Я, сын русского народа, считаю своим долгом вызвать о спасении своего народа потому, что сам он двухсотмиллионный колосс находится в крупнейшем концлагере и не имеет возможности свободно высказаться.

Промедление всеобщей смерти подобно.

Я сознательно начал свой тяжелый труд по разоблачению сталинских замыслов и по описанию тяжелой русской действительности с описания положения в Советской Зоне оккупированной Германии.

Здесь, в Германии, как в зеркале, отражены результаты сталинских методов «переделки» русского народа, отражены замыслы и подлое лицемерие заправил—поджигателей мира.

Народы мира! Христиане!

Я поднял свой голос не для того, чтобы спасти себя. За всю свою жизнь я не сделал ничего такого, за что меня можно было-бы судить и сажать в тюрьму в любом государстве мира и по каким угодно законам, кроме беззакония сталинского «рая» народов.

Я взял слово для того, чтобы, крикнув на весь мир о спасении человечества, продолжать самую жесточайшую борьбу со сталинской кликой и продолжать вместе

с моим народом нести крест до тех пор, пока, наконец вы, называющие себя последователями Христа, не пойдете всем миром ко Всероссийской Голгофе и не снимете с креста распятый Русский Народ!

Христиане! Неужели вы не готовы к этому подвигу и не можете уменьшить и сократить сроки страдания Русского Народа? Неужели среди вас нет таких рыцарей, которые поддержали бы борцов этого народа и в самые трудные и ужасные для него часы сталинской ночи и нашли бы для нас слова:

— Мужайтесь! Свет Христов близок! Близок рассвет утра России.

Сабик-Вогулов.

В ПОБЕЖДЕННОЙ ГЕРМАНИИ

Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма.
(Из „Коммунистического манифеста“ Карла Маркса).

Будем вешать...

(Из статьи И. Эренбурга „На Берлин“).

14 января 1945 г. Короткий митинг, на котором зачитывается обращение маршала Жукова к войскам 1-го Белорусского фронта.

Сегодня снова с Вислинского плацдарма начинается штурм немецкой обороны. Нет ни одного солдата и офицера, который бы не был уверен в том, что через день через два оборона немцев будет прорвана и русские войска будут развивать стремительное наступление туда, к центру дьявольских разбойников—к Берлину.

На мне по-прежнему лежат обязанности по контролю путей подвоза и эвакуации, по разгрузке госпиталей первой линии и медсанбатов, по проверке материальной обеспеченности дивизии, по организации охраны трофейных складов и ликвидации пробок.

За три недели наши войска прошли пятисоткилометровый путь от Вислы до Одера. Это было исключительное наступление, которое может выдержать единственный воин в мире—русский солдат. Наши войска буквально сидели на плечах отступающих немецких полков, и казалось, что этот порыв стремительного наступления не сможет остановить ни одна сила.

Ярость русского человека против вероломного врага удесятирялась статьями и листовками Ильи Эренбурга.

га. В них расписывались ужасы гитлеровских палачей так, что русский солдат верил, что вся Германия это сплошь отъявленные мерзавцы и прохвосты, что нет в Германии ни одного немца, которого не надо было бы считать своим врагом. Это была пропаганда и агитация, разжигающая национальные и звериные инстинкты солдатской и офицерской массы.

Мне было неприятно читать статьи Эренбурга.

И как русскому человеку, особенно больно было читать его статью в 1942 году: «За Русь святую». Он в этой статье старался играть на религиозных и национальных чувствах русского человека. Русского человека стали в России называть по имени и отчеству, стали угождать перед ним в печати, на собраниях, ибо увидели, что немцы подходят к Волге и, что есть одна единственная сила, способная остановить зазнавшегося врага, — это русский народ.

В своей статье «За Русь святую» Эренбург рассказывал, как немцы уничтожают человеческую культуру вообще и в особенности русскую культуру, как они издеваются над православными священниками, как они разрушают русские церкви и храмы. Он в ней писал: «Мы, русские люди, не позволим врагу разрушать наших белокаменных храмов и не дадим ему ходить по русской земле».

Тогда было не время мешать Эренбургу, ибо был исключительно серьезнейший момент для Родины и нужно было сплочение всех сил для того, чтобы дать отпор врагу и разгромить его. Но мысли, горькие мысли приходили в голову при чтении статей Эренбурга.

Кто как не вы, господа эренбурги, втоптали первыми в грязь достоинство, религию и традиции русского народа? Где вы были тогда, когда из русских церквей тащили и растаскивали ценности под предлогом спасения Родины? Где вы были тогда, когда ваши ублюдки возмущались колокольным звоном и требовали, чтобы он не нарушал общественной тишины и все колокола снимали для целей электрификации и индустриализации? Где вы были тогда, когда ваши последователи взрывали тысячи белокаменных храмов и из них строили очаги вашей заразы: избы-читальни, клубы, здания райисполкомов и райкомов? Вас спрашивают, Эренбург: что вы говорили тогда, когда сотни тысяч верующих людей и десятки тысяч священнослужителей были брошены в

тюрьмы, концлагеря только потому, что они верили в Бога? Вы тогда, Эренбург, не это говорили. Вы тогда были заняты разжиганием классовой борьбы в странах Европы, занимались насаждением человеконенавистничества внутри народов, вы тогда разжигали и развязывали мировую коммунистическую революцию.

Хотелось встать и крикнуть на весь мир, на всю Россию: эй, подлец! Где ты был тогда, когда взрывали в Москве величественный памятник русского народа — Храм Христа Спасителя, только для того, чтоб на этом месте построить здание дворца советов?

Ведь этот Храм Христа Спасителя русский народ построил в память величественной победы над двенадцатью языками, вторгнувшимися в Россию под предводительством Наполеона.

Ведь тебе, ублюдок сталинской пропаганды, надо было бы сначала почтить этот памятник и поклониться этому Храму русской твердыни, а потом уже призвать к борьбе русский народ.

Горько было читать его статьи: „Папа, убей немца“, „Мы ничего не забудем, ничего не простим“.

Как убог выбор тематики Эренбурга!

Русского человека, всегда беспрдельно любившего свою Родину, свой народ, старались мобилизовать на борьбу с врагом такими методами.

Параллельно такой пропаганде в войсках, на фронте была другая, более действительная пропаганда — это дело русских людей: там, где были русские люди, врагу давался жесточайший отпор.

В единоборство вступила решающая сила — русский народ. И сталинским агитаторам, пропагандистам осталась одна работа — это выискивать лучших людей из русского народа и всячески поощрять их на еще большие подвиги.

Агенты сталинской контрразведки уже в июле-августе 1942 года стали распространять слухи, что во многих городах и селах начинают открываться уцелевшие храмы, что скоро красная армия будет одета в ту же форму, что была одета и царская армия, что вот-вот будет ликвидирован Коминтерн.

Русские люди приободрились, стали еще более упорно сражаться. Все надеялись на то, что наши союзники Англия и Америка окажут какое-то влияние на сталинскую диктатуру, что после войны будут проведе-

ны действительные демократические преобразования. В это верила вся солдатская и офицерская масса, в которой основным и решающим контингентом были люди от 35-ти до 55-ти лет, т. е. люди, знавшие другую Россию, люди болеющие за нее.

С этими мыслями умирал за Родину русский солдат и офицер. С этими мыслями русская армия стремилась к Берлину. Все были уверены в том, что после окончания войны Россия будет демократической, что народы всего мира по заслугам оценят кровавый вклад русского народа в этой войне и не позволят сталинским опричникам продолжать кровавый террор и удушение всего лучшего в русском народе. Многие надеялись, что само сталинское правительство, наконец, одумается и в построении внутренней жизни страны пойдет в ногу со своими союзниками.

Это были напрасные надежды...

Как вихрь, как ураган мести, ворвались русские войска на территорию Германии. Это был поистине огненно-кровавый шквал. Если раньше на русской земле, в Польше генералы и офицеры сдерживали зарвавшихся и озверевших солдат, то здесь никто ничего не мог — да и не хотел делать. Наоборот, много офицеров и генералов сами подавали пример, как не нужно относиться к побежденному врагу, оставляя без расследования и без последствий самые ужасные преступления.

Основным мотивом такого положения было: дать людям почувствовать сладость мести врагу за поругание Родины.

И результаты сказались быстро: от восточных границ Германии до Одера, от Балтики и до Карпат — вся Германская территория была охвачена пожарами, насилиями, грабежами и убийствами.

Все это было в исключительных, ужасающих масштабах.

Илья Эренбург со сладострастием пророка, слова которого, благодаря отваге, мужеству и стойкости русского солдата, — сбылись, продолжал свою гнуснейшую работу по подбадриванию озверевших и звереющих русских людей. То и дело в печати появлялись его статьи

в которых он расписывал уже остатки неубежавших немцев, издевался над их дрожью перед русским человеком, перед русским воином.

Читатель! Вам рассказывается жуткая быль, которую никогда не опубликует сталинская печать, и вы за эту быль не вините русского человека, — русского солдата! Это Сталин и его опричники сделали зверем еще вчера нормального человека. Это Сталин, подобно Гитлеру, разнуздал гнуснейшие инстинкты человеческой природы.

Ночь. Мы с генералом едем на новое место дислокации штаба войск. Вот и немецкая восточная граница. На границе огромный плакат; «Вот она, проклятая Германия»!

Мы въезжаем в спящий город. Пока генерал, его адъютант и ординарец устраиваются на новой квартире, я обхожу все прилегающие здания и расставляю охрану. Все здания пусты. Только в одном я нашел старика со старухой и с ними три дочери. Все они испуганно смотрели на меня. В глазах у них животный страх. Я, как мог, объяснил им, что им нечего бояться, что они могут спокойно спать, и вышел. Доложив генералу, что все в порядке, я отправился отдыхать в свою комнату, где меня уже дожидался адъютант генерала.

Спать не хотелось, хотя было около трех часов ночи. Все внутри нас волновалось. Все мы, шедшие от Волги, переживали вновь те волнующие душу и сердце моменты, которые переживали в продолжении почти четырех лет, стремясь сюда на территорию врага и, наконец, достигнув ее.

Естественно, что я и адъютант, прежде чем лечь спать, с огромным интересом осматривали квартиру представителей той нации, которая так много принесла несчастья русскому народу.

По всему видно было, что в городе никто не ждал русских войск. Вот накрытый стол и на нем незаконченная немецкая трапеза. Вот детская постель, из которой только недавно вынули ребенка. Вот таз с недостиранным бельем. Вот кастрюля с начищенным на завтра картофелем. Нам, русских людей, поражает комфорт немецкого жилья, обилие одежды, белья, безделушек, часов, будильников, посуды, многообразие самых утонченных приспособлений домашнего и рабочего уюта.

Мы с адъютантом ходим по комнатам с электрическими фонарями и осматриваем.

Садимся около книжного шкафа. Адъютант прилично владеет немецким языком и вслух читает заглавия книг. Нас интересует духовный арсенал немецкого обывателя и в основном он оказывается нацистского содержания. Наше занятие было неожиданно нарушено:

— Что, барахолите? — В дверях стоял генерал. Он был в туфлях и ночном халате. В руках его был электрический фонарь. — Золото ищете?

— Товарищ генерал! — отвечаю я — Вы знаете, что домов мы строить не собираемся и золота нам не надо. Просто изучаем обстановку.

— Напрасно! Вот я, например, от золота не отказался бы. Но этим не сейчас заниматься. Дойдем до Берлина, там уж я разрешу вам побарахолить. Идите спите. И получите задание: к семи часам найти в городе емкости для слива горючего.

Генерал ушел к себе. Мы с адъютантом переглянулись и нам было стыдно за генерала, за то, что он заподозрил нас в барахольстве, чем мы за всю войну не занимались, ибо оно было противно, противно до омерзения.

Было стыдно за генерала, за его беззастенчивость, с которой он признался, что от золота не откажется. словно давая намек: „ищите, ищите, но только не забывайте и меня“.

Оскорбленный я не мог заснуть и в пять часов утра я стал разыскивать по городу емкости для слива горючего. Пойски были тщетны.

Один поляк, житель этого города, рассказал мне, что в лесу, в семи километрах от города у немцев была база горючего. Рассказчик посажен в автомашину и едет со мною. Там я нахожу не только то, что искал, но и многое другое: в лесу было пятнадцать тысяч двухсотлитровых бочек под горючее; в районе кирпичного завода стояли двести легковых, новых автомашин и около сотни двухтонных „Оппелей“, только что сгруженных с платформ.

В семь часов утра докладываю о результатах генералу.

Одновременно сообщаю ему, что город полон скота, брошенного убежавшим населением, что на мясокомбинате три или четыре сотни свиней и столько же свиных туш в холодильнике и что... по дорогам на восток устремились десятки тысяч русских людей, быв-

ших в гитлеровской неволе и освобожденных нашими войсками.

После доклада получаю новое задание: выехать навстречу автоколоннам с горючим и довести их до места слива, взять людей из авторемонтного восстановительного батальона и организовать немедленное освоение трофейных машин.

Еду выполнять.

В город я возвращался через день и буквально не мог найти дорогу к своей квартире; так до неузнаваемости изменился город. Кругом все пылало, по городу шныряли сотни солдат, офицеров, репатриантов, таща из квартир одежду, обувь, патефоны, радио-приемники. Тысячи людей рылись по опустевшим квартирам, выбирая нужное для себя, как в гигантском универсальном магазине.

Сигналом к пожарам послужил приказ командующего войсками: сжечь тот дом, из которого женщиной в день занятия города, из окна был сделан выстрел в проходивших русских солдат. Ее не нашли, а дом зажгли. Через сутки горел весь город. От него пожары перекинулись дальше и всюду, куда доставал взор, были видны зарева пожарищ от горевших сел и городов. И это продолжалось даже тогда, когда линия фронта была на Одере и наши войска уже зацепились за его левый берег.

В основном до Одера все немецкое население убежало на западную сторону этой реки и на занятой нами территории немцев было не более тридцати процентов. Вот эти тридцать процентов и расплатились за все гитлеровские злодеяния, за всю нацистскую систему. Эти тридцать процентов населения во всей полноте почувствовали на себе результат непрерывного воздействия на возбужденные кровью мозги солдатской массы статей Эренбурга, результат попустительства сталинских генералов.

От восточных границ до Одера — все немецкие пылающие села и города были наполнены тыловыми частями и отставшими строевыми подразделениями, а также и дезертирами.

И не передовая линия, а вот эти „отважные“ товарищи тыловики творили чудовищные дела на занятой территории.

Вот приемная генерала. Тут начальники отделов, отделений, госпиталей, командиры тыловых частей, заместители командиров дивизий.

Вполголоса рассказываются последние события дня: заместитель по политической части отдельного автомобильного батальона рассказывает о том, что сегодня, когда он утром шел в парковую роту, он увидел труп изнасилованной немки, около которой лежали двое детей, при чем у девочки живот распорот до половых органов.

Полковник, начальник ветеринарного отдела, рассказывает, как он вчера в одном селе проводил расквартирование ветеринарного лазарета и организовывал сборный пункт трофейных лошадей. Ему захотелось пить и он заходит в дом к немцам, В комнате немка, у которой он на русском языке просит дать воды. Испуганная немка не может его понять, а он сердится. Вдруг немку что-то осенило и она предлагает полковнику лечь на кровать.

— Сразу видно, что русский Иван уже „научил“, — заключает полковник.

Вот командир-майор. Он под все эти безобразия хочет подсунуть какое-то идеологическое основание, найти скрытый смысл „торжества великой мести“ и в соответствующем духе он описывает ряд совершенных насилий:

— Товарищи! Меня очень заинтересовал один факт. Я тоже, как и все, думал, что это просто 'делает или вредный нам элемент, или просто разнуздавшийся человек — зверь. Нет! Здесь, во всех этих делах, кроется другое. Захожу в один дом. В этом доме семь немецких девушек и одна из них лежит на постели, беззвучно вздрагивая от рыданий. Девушки прижались друг к другу и испуганно смотрят на меня. Я с ними здороваюсь и разговариваю по-немецки. Выясняю, что здесь, в этом доме, сегодня ночевало пятнадцать наших солдат и они поочередно изнасиловали вот эту рыдающую девушку. Спрашиваю других девушек: „а вас насиловали?“ Отвечают: „нет“. Спрашивается, что же тут такое? Почему из семи девушек наши солдаты изнасиловали только одну при таком богатом выборе? Ведь просто физически противно второму, третьему прикасаться к этой девушке. Вот и подумайте хорошенько

над этим фактом. Вы увидите, что это не просто зверство. Здесь на лицо месть.

Этот командир был сторонником Ильи Эренбурга.

Начальник госпиталя легко раненых рассказывает о том, что в том месте, где расположен его госпиталь, осталось очень мало немок, легко раненых же очень много. Чтобы установить какой либо «порядок», раненые офицеры и солдаты устроили билеты и сказали немкам, что на каждую из них выписано по десяти билетов.

— И вы представьте, товарищи! Об этом я узнал от этих же немок; они пришли жаловаться на то, что офицеры не сдержали своего слова и к ним, вместо десяти, приходит по двенадцать, тринадцать человек.

Рассказывает опять ветеринарный полковник:

— И у меня тоже отличились. В одном ветеринарном лазарете помощник начальника лазарета по материальной части, узнав, что будет проческа села комендантским надзором, заходит к знакомым немцам и сообщает, что сегодня ночью русские солдаты будут делать проверку квартир и могут изнасиловать их четырнадцатилетнюю дочь, а чтобы этого не случилось, то родители могут спрятать свою дочь в его квартире при штабе лазарета. Доверчиво родители отправили с ним единственную дочь, которая потом где-то исчезла. Обеспокоенные потерей дочери, родители рассказали коменданту, тот мне. Пошли искать. И что же оказалось? Этот прохвост изнасиловал девочку и десять дней держал ее в подвале дома. Я направил дело прокурору (прокурор, конечно, ничего не сделал С. В.).

Безконечным потоком льются жуткие рассказы. И видно, как многие просто вздрагивают от отвращения.

Лучшая часть офицерства старалась остановить дикий разгул, но безуспешно, ибо никто не хотел слушать и творил все, что ему вздумается.

Чувствовалось, что крепкая сильная армия идет к разложению, что это разложение начинает охватывать и передовые части, офицерский состав которых ухитрялся провозить немок в закрытых машинах, даже на Одерский плацдарм.

Ни командование фронта, ни командиры частей буквально не принимали никаких мер.

Когда-же дезертирство из армии дошло до пределов и когда озлобленные остатки немецкого населения

стали сотнями убивать безоружных и пьяных насильников, когда мы уже не знали, где расквартировывать подходившие резервы, ибо все лучшее было сожжено разложившимися тыловиками, только тогда забегали в штабах, в политическом отделе и заинтересовалась контрразведка.

Все, наконец, почувствовали, куда это ведет и чем это грозит. В войсках распространяется листовка маршала Жукова с обращением к солдатам и офицерам армии, в которой он призывал солдата не жечь домов, не насиловать немецких женщин, не портить оборудования фабрик и заводов и квалифицировал все это, как вредительство.

— Солдаты! — говорил он в обращении — смотрите, чтоб из-за подола немецкой девки, вы не просмотрели того, за чем послала вас Родина!

Тыловой район войск был разбит на два участка и мы с одним подполковником ежедневно разъезжали на грузовике по населенным пунктам.

Каждый день я сдавал комендантам сотни разложившихся людей, захваченных мною при грабеже, насилии и издевательствах над мирными жителями. Более двадцати самозванных комендантов мною были обнаружены за первые два дня прочески населенных пунктов. Тут были военнослужащие всех родов войск и служебных рангов, от солдата до полковника. Больше всего было солдат тыловых частей: гужевые роты, автомобильные батальоны, роты связи, войска НКВД, армейские базы снабжения.

В течении первых трех дней нашего пребывания на немецкой территории все тыловые части были заняты сбором безхозного скота. Только в трех гуртах одной армии насчитывалось до тридцати тысяч собранных коров. Десять-пятнадцать тысяч овец, три-пять тысяч свиней. Тысячи возвращающихся репатриантов были задержаны и оставлены для ухода за скотом, для демонтажа фабрик и заводов.

Быстрая концентрация безхозного скота в армейских гуртах заставила многих командиров строевых и тыловых частей прибегнуть к насильственному отбору скота у оставшегося населения. В течении февраля-марта было редкостью встретить у оставшихся немцев свинью, курицу, овцу или корову. Было редкостью встретить прилично одетого немца. Все оставшееся немецкое на-

селение было подвержено жесточайшему ограблению и унижению. Этому способствовало разрешение посылать посылки домой всем военнослужащим: генерал — пятнадцать кгр., офицер десять кгр. и солдат пять кгр. в месяц.

Получаемые оккупационные марки военнослужащие не знали куда девать, ибо немецкие магазины не торговали, так как были сожжены и разграблены. Единственным источником для посылочного фонда было имущество оставшихся немцев (которое и отбиралось) и имущество, брошенное убежавшими немцами.

Чаше и чаще среди офицерского состава стали слышаться разговоры о том, что при таком политикоморальном облике солдата двигаться дальше нельзя, что мы такими поступками позорим Красную Армию.

Несмотря на это, случаи грабежей, насилий, убийств местного населения продолжались. Да как им и не быть, когда комендатуры были укомплектованы случайными людьми из резерва, которые, попав в коменданты, старались свое положение использовать в первую очередь для улучшения своего материального положения и положения своих друзей.

Среди комендантов того времени мало было таких лиц, которые были бы в состоянии навести жесткий порядок и дисциплину в своем населенном пункте.

Вот характерный эпизод: помощником начальника управления комендатур был один капитан. Однажды, возвратясь из своих очередных объездов, он рассказывает:—Ну, товарищи, к нам начинает прибывать танковая армия. Дадут эти братишки немцам, только держись! И уже начали давать! Вчера мне пришлось задержать одного командира танка, старшего лейтенанта—героя Советского Союза. Звание героя он получил за то, что уничтожил в боях тридцать немецких танков. Из них одиннадцать штук «тигров». Когда немцы были на Украине, то они уничтожили всю его семью и всех родных в общем количестве до сорока человек; при чем отца, братьев и сестер его—повесили. Так вот этот старший лейтенант поставил свой танк около одного немецкого дома и зашел в дом. Он принес с собой закуску, выпивку и после того, как угостил хозяина с хозяйкой и трех их дочерей водкой и хорошей закуской, сам подвыпивши изрядно, поочередно изнасиловал трех девушек, после чего вывел их на двор и пристрелил из пистолета

около своего танка. Ну, что бы вы на моем месте сделали этому человеку. Лично я выслушав этого танкиста, пожал ему руку и отпустил его. Это действительно месть пострадавшего.

К великому сожалению таких «героев» было бесчисленное множество и им было «предоставлено» право олицетворять «народную месть» на территории противника.

Была сплошная полоса самочинных расправ с местным населением и волна диких «самосудов» над отдельными представителями этого населения, спившимися дезертирами и тыловыми «героями», любителями человеческой крови.

В здоровой массе солдат и офицеров все чаще и чаще стали слышаться разговоры, не одобряющие этой вакханалии, и всем нам было видно, что наши войска были почти в конец разложены, что при таком положении трудно говорить о развертывании дальнейших наступательных действий, что мы не можем сейчас сделать последнего скачка и овладеть немецкой столицей.

Здесь уже ясно сказалось, что при таком состоянии дисциплины и деморализации войск нечего и думать об этом скачке.

Постепенно расширяя Одерский плацдарм, наши войска начинают оправляться от внутреннего разложения. Уже твердой рукой начинают насаждать дисциплину.

Этому во многом помогли маскировочные работы. Чтобы обмануть противника, решено было создать впечатление, что дальше Одера наши войска продвигаться не будут и здесь, на Одере, закрепятся не менее, чем до осени. Во всей полосе войск были организованы широкие полевые работы, на которых были заняты не только оставшееся немецкое население и тыловые части, но и строевые подразделения. Свой сев некоторые дивизии иногда проводили буквально на глазах противника. Тем временем под этот многоголосый шум «посевной компании» к исходным для боя позициям стягивались ударные части прорыва немецкой обороны: артиллерийские корпуса, танковые части, кавалерия, мото-пехота и другие резервы стремительного наступления.

В войсках «заработали» пропагандисты. Они, хотя с опозданием, но четко ставили перед солдатской мас-

сой задачи, как вести себя в побежденной Германии. Советскому командованию пришлось отказаться от своего пропагандиста — поджигателя—Эренбурга и в «Правде» появляется статья «Илья Эренбург ошибается». В этой статье Эренбургу пришлось сказать, что не все немцы—эсесовцы и не все оголтелые гитлеровцы, что есть среди немцев вполне приличные и хорошие люди. Вслед за этой статьей, как покаянное письмо, в войсках появляется листовка Эренбурга «Рыцарь без страха», где русский солдат уже наделавший тысячи преступлений под воздействием его человеконенавистнической пропаганды, рисуется как освободитель, которому чужды завоевательские планы, что его историческая миссия — это освободить Германию и Европу от нацизма; в этой статье он уже дает солдату какие-то нормы поведения. В советской печати тысячи пожаров постарались, объяснить тем, что эти пожары устраивали сами немцы и, что даже в одном из городков Германии сами немцы просили русских офицеров поймать какого-то сумасшедшего старика, немца, который ходит по городу и поджигает дома.

Не наказанные и не пойманные мародеры, насильники и убийцы, выпущенный из тюрем уголовный элемент, находящийся в большом количестве в армии,— вся эта мразь в тоне советской прессы почувствовала защиту и получила уверенность в том, что, если будут делать в будущем свои подлые дела таким образом, чтоб не быть пойманным с поличным, то все это будет списано за счет нацистских и бандитских элементов, замаскировавшихся или под мирного жителя или под красноармейскую форму.

Поток самоуправства, насилий стал спадать но сводки каждый день приносили сообщения о продолжающихся безобразиях. Действовали главным образом, офицеры и шоферский состав воинских частей. И так, как эти люди имели средством передвижения автомобиль,—они большей частью уходили безнаказанно.

От Одера на Восток в глубину на двадцать пять километров была полоса, которая очищалась от немецкого населения. Уходящим немцам гарантировалась сохранность их имущества. Это для их успокоения. На самом же деле, не успели немцы отъехать от населенного пункта, как их имущество предавалось разграблению и упаковывалось в посылки. Мой генерал приказал

своему ординарцу из занимаемой квартиры забрать все ковры, что тот и исполнил. Это делал генерал, стяжавший себе в войсках славу бесребника.

О больших людях, нарушавших новые установки по отношению к мирному населению, говорить что либо считалось просто не приличным и предосудительным. Можно было говорить только лишь о младших офицерах и солдатах. «Большие» же люди были, как жена Цезаря, вне подозрений.

Мне вспоминается один факт: рано утром меня вызывают к генералу; в кабинете сидит его зам-полит. Генерал обращается ко мне: мне сейчас звонил командующий, что у командира противотанковой истребительной бригады на контрольно-пропускном пункте отобрали его личную, легковую автомашину. Разыскать и вернуть.

— Есть!

Иду, выясняю. Да, действительно у этого полковника взяли его автомашину, т. к. на нее не было положенных документов. Иду по ниточке и выясняю дальше: этот командир пьянствовал со своими друзьями, где-то запленили шесть немков и привезли их в запретную зону. Водка и закуски были на исходе и этот полковник посылает своего шофера за подкреплением. Шофер едет. На контрольном пункте у него отбирают автомашину. Пока шофер пешком идет с докладом к своему начальнику, на контрольно-пропускной пункт подъехал адъютант начальника тыла фронта, которому понравилась эта автомашина, и он ее немедленно отправил в свой адрес. Машина была новенькая: никкель, кожа, кнопочное управление, радиоприемник... это была исключительно роскошная машина. Шофер же, которому поручили вести эту машину, не владел навыками кнопочного управления и, разогнав машину, не смог остановить ее, в результате чего он врезался в зад впереди идущего грузовика, полностью разбив радиатор и мотор. Адъютант снял радио-приемник и уехал, а аварийную машину подобрала техническая помощь одной автобригады. Докладываю о случившемся генералу: тот мне отвечает: вы о пьянке с немками не говорите, а то вам еще морду побьют, а сейчас поезжайте и какими угодно средствами доставьте эту машину в П. Р. Б. и заставьте отремонтировать.

Возмущенный я в течение шести дней организовывал невозможный ремонт, из которого, конечно, ничего не получилось, а этот пьянчужка полковник взял себе другую автомашину, из этого же П. Р. Б.

Одновременно с маскировочной посевной кампанией началась энергичная вывозка в Россию всего, что было захвачено на немецкой территории. Вывозили фабрики и заводы. Десятки автомобильных батальонов и гужевых рот с тысячами репатриантов вытаскивали из домов мебель, часы, швейные машины и все это грузилось на поезда и отправлялось в глубь страны. Многие из нас с недоумением смотрели на все это и мы спрашивали себя—неужели мы для этого идем в Германию? Неужели мы идем в Германию только для того, чтобы забрать у германского обывателя эти тряпки, эту полированную фанеру, называемую мебелью, эти швейные машины и сто раз перестиранные гардины, эти стенные и настольные часы с малиновым перезвоном?

Начальство, видя иногда наши недоуменные взгляды, старалось оправдать это:

— Все равно какойнибудь Иван—бандит подожжет! Так пусть уже лучше кто-нибудь этим добром в России пользуется....

Из Холмской декларации Польского Комитета Освобождения мы знали что Восточная часть Германии до Одера должна отойти к Польше, как компенсация за Западную Украину и Западную Белоруссию.

Тем более широко раскрывались наши глаза от удивления, когда союзник и освободитель Польши оставлял Польше разбитую, сожженную и разграбленную территорию...

Как же это так?

Мы предполагали, что вот закончится война и все, что есть в Германии, будет взято на учет, а на Мирной Конференции подсчитают все убытки и ущерб, нанесенные Германией, и предложат ей: столько-то уплатить натурой, сколько то немцев в течение столько-то лет должны работать по восстановлению разрушенных городов и сел России, и в течение такого-то срока должны быть выплачены остальные репарационные долги

в таком то объеме и виде. Никто из нас не предполагал, что все немецкое население с территории, отходящей к Польше, будет лишено своего крова, земли и будет выброшено на оставшуюся территорию Германии «в чем мать родила».

Нам, русским людям, уже было видно, что здесь закладывается начало какого-то нового конфликта, что— Сталин и его последыши не верят в прочность союза со своими союзниками и что, не дожидаясь конца войны они делают все, чтобы усилить себя, чтобы скрыть от своего союзника такой способ возмещения убытков. Союзники открыто сообщили, что ими в одной из немецких шахт захваченно сто тонн золота из немецкого рейхсбанка. По этому поводу много было разговоров среди русских солдат и офицеров. Одни завидовали союзникам и сожалели, что это золото не попало в руки Красной Армии, другие же ехидно называли союзников простачками (вот наши б ничего не сказали), третьи говорили, что немецкие заводы нам нужнее и дороже золота.

Дальше мы убедились, что сталинская политика, проводимая его генералами на занятой территории Германии, явно недобросовестна и чужда союзническому долгу, что многое из того, что делается, тщательно скрывается от своих союзников и строго засекречивается.

Вот второго мая капитулировал Берлин, а четвертого мая (это в то время, когда еще бушевал гром войны) все тыловые части, десятки тысяч репатриантов— были брошены на демонтаж фабрик и заводов в те зоны большого Берлина, которые должны были быть заняты союзными войсками.

Руководителям трофейных органов военными советами армии была поставлена задача:—в самый короткий срок демонтировать все в тех зонах Берлина, которые будут заняты союзными войсками. Все наиболее ценное грузите в вагоны, а что может ожидать, концентрируйте в нашей зоне оккупации.

С лихорадочной поспешностью демонтировали и вывозили все, что может быть использовано в советском хозяйстве.

Нас особенно возмущал факт варварских методов демонтажа: демонтировали не специалисты, а самый разнообразный по своим прошлым профессиям народ.

Эти люди старались делать только одно: не оставить ничего на этой фабрике, или на этом заводе. Без упаковки, без системы, навалом, грузили все. Ценнейшие детали станков ломались, комплексное оборудование разбрасывалось по разным автомашинам и вагонам. Этому способствовал отказ шоферов от погрузки деталей, свыше двух с половиной тонн, в результате чего ту часть станка, которая была лишней по своему весу, отвинчивали и бросали на другую автомашину (там специалисты разберутся).

В результате такой организации демонтажа на переезочной базе в Бресте были сгружены тысячи вагонов оборудования, и уже прошел год после войны, а это оборудование до сего времени еще сортируется и подбирается, сотни специалистов ходят вокруг этого ценнейшего лома и стараются угадать «что к чему»?

Поистине: ни себе, ни людям, как говорит русская пословица.

Апрельское утро на Одере.

Снова зачитывается обращение маршала Жукова о последнем походе на штурм гитлеровского логова — Берлина.

Для немцев приготовлен крепкий удар, в результате которого будет пробит час окончательной победы над врагом.

Размахнулись подтянувшиеся русские воины и прославленная немецкая оборона падала одна за другой.

Молниеносный и стремительный удар русских войск смял все на своем пути и, как расплавленный поток металла, подходил к Берлину.

В этой операции были тщательно учтены все недостатки прошлых операций и чувствовалось, что это действительно последний скачек, что войне конец.

Нас очень поражало то обстоятельство, что с русскими немцы дрались на смерть, а в то же время наши союзники без боя проходили по сто и двести километров в сутки, и им ежедневно сдавались в плен сотни тысяч немцев.

Разгадка была простая: в русской армии было

обыденным явлением расстрел пленных немцев конвоирами и «воинственными» тыловиками. Это началось с Дона.

Я слышал в станице Казанской как один «удалый» сержант взял в плен сто пятьдесят итальянцев. Кстати сказать, большинство итальянцев не хотело воевать и тысячами добровольно сдавалось в плен. Это на их участке и участке румынских армий, русская армия сделала бросок на окружение сталинградской группировки Паулюса. Так вот этот сержант стал конвоировать в тыл добровольно сдавшихся итальянцев. Пройдет сержант сто метров, отберет двадцать, тридцать человек, тех у кого физиономия ему не нравится, даст очередь из автомата по отобранным и идет дальше. В результате до места сбора военнопленных он довел пять человек. И после этого никакого приказа, никакого наказания. И с этого момента уже не считалось безнравственным уничтожение сдающегося врага. И только поэтому немцы избегали советского плена, сдавались союзникам. Можно привести десятки таких примеров, когда какой-нибудь разъяренный командир полка расстреливал лично сотни пленных, только потому, что какая-то пальная пуля убила его полевою жену.

В этой последней операции на отношения к сдающемуся врагу тоже обратили внимание и строго запретили расстрел пленных. Но было поздно: немецкая армия сдавалась союзникам, а на нашем участке фронта она дралась на смерть.

Много навредила достоинству русского солдата, русской армии пропаганда Эренбурга, провозгласившего, что воин красной армии не только мститель, но и судья, что для воина красной армии нет ничего приятней, как труп врага.

Мне вспоминается далекий декабрь 1942 года, когда почти без боя сдались румынская и итальянская армии; десятки тысяч пленных под конвоем направили в глубокий тыл страны. И их путь был устлан трупами, замерзших и расстрелянных конвоирами. Тогда же хотелось сказать Сталину:—как вы, Сталин, такой пропагандист гуманности, думаете скрыть эти факты. Или вы думаете, что никто из плененных красной армией никогда никому не расскажет об ужасах советского плена, не расскажет о том, как тысячи военнопленных по-

гибали от голода и истощения от нечеловеческих условий работы? Ведь вы—учитель Гитлера и такой же враг всего живого, как и Гитлер.

Город Н. почти освобожден, немцы стараются удерживать его западную окраину. Я стою около кучки генералов, тут и члены военного совета, и начальники политотделов, и начальники КРОСМЕРШ.

Через наши головы со свистом и воем проносятся вражеские снаряды.

Иногда разрывается матушка старушка—шрапнель.

Город в огне. Население забило в подвалы. По квартирам рыщут сотни отставших солдат и офицеров, очищают гардеробы, буфеты и кладовые спрятавшихся жителей. Шоферы и адъютанты собравшихся генералов тоже в поисках «трофеев».

Вдруг один генерал, начальник политотдела, подзывает к себе привезенных с собой офицеров и дает им какую-то команду; то же делают и другие генералы.

Десяток офицеров устремляется в разные улицы, выходящие на нашу площадь, и через полчаса у ближайшего магазина начинают собирать мародеров. У них отбирают чемоданы, узлы, пакеты, и все это сваливают в магазин, а всех задержанных концентрируют во дворе этого здания. Их набралось человек сто пятьдесят.

— В штрафную роту и сейчас же в бой: — дает команду генерал, начальник политотдела. Задержанных уводят.

Генералы довольные начинают расходиться.

— Эй, Митя!—кричит шоферу генерал, член военного совета—А ну-ка обойдем. С шофером они идут осматривать магазины.

— А ну-ка, Митя, заведи вот это,—указывает генерал на дамские туфли и платья. И его машина этим добром нагружается до отказа.

Я смотрю и спрашиваю себя:—кто же здесь больше мародер? или солдат, использующий возможность нагнать пять килограмм для посылки, или этот сталинский опричник? Откуда это разложение? Это разложение от генерала, забывшего честь, от его офицера, дающего пример солдату. Ведь все равно через день, через

два, через неделю, несмотря на то, что это сделано в узком кругу, от этого Мити будут знать, что сегодня сделал генерал. Другие постараются не отстать от него. И здесь уже, несмотря на то, что всеми силами старались удержать солдат от мародерства, ничего не спасло имущества мирных жителей от разграбления.

Там, где прошла красная армия, вы ни в одной квартире не увидите целой двери, целого гардероба, целого письменного стола. Они все вскрыты, взломаны штыком, ломом и каблуком.

Мною получено задание в городе Н. найти квартиру для генерала.

На одной из тихих улиц цветущего пригорода, я нахожу очень хороший и удобный дом. В доме жители. Я им объясняю, что дом их будет занят. Они поспешно начинают убирать свои вещи и обстановку. Памятуя о том, что есть строжайший приказ военным служащим ничего не брать у мирных жителей и с корректностью относиться к ним, я предупредил домовладельцев, что им нечего бояться за свое имущество, а так как через два часа квартира должна быть освобождена, то я просил их собрать в одну комнату все, что они считают нужным, и закрыть эту комнату на замок. Одновременно предупреждаю, чтобы через два часа никого их тут не было. Я дал им честное слово русского офицера, что все будет невредимо и сохранно. Благодарные хозяева быстро собрали в одну комнату кое-какие вещи и удалились, предварительно приведя квартиру в идеальный порядок. Обычная квартира среднего немецкого обывателя, много комфорта. Через два часа приезжает генерал. Квартирой он остался доволен; хозяева с собой ничего не взяли и переехали к знакомым на другую улицу.

На другой день я был поражен и возмущен поступком генерала: в обед в квартиру приходят представители из полевой конторы государственного банка и забирают из нее все серебро, которого было килограмм 20. Это было старинное серебро в виде ваз, тарелок, ножей, вилок, подсвечников. Темный цвет серебра говорил о его древности и о том, что это серебро передавалось из поколения в поколение.

— Товарищ генерал! Я же хозяевам дал слово русского офицера, что у них не будет ничего тронут. Как же это так?

— Ну и напрасно разбрасываетесь своими словами, раздраженно ответил тот. Серебро взяли, а на следующий день его ординарец, шоферы и повар хозяйничали во всем доме, выбирая для себя все, что им приглянется.

Опять началась до Одерская лихорадка мародерства, грабежа и насилий. И это продолжалось до полной капитуляции Германии, продолжается и сейчас, только принимая другие формы.

Старший начальник и офицеры только формально боролись за установление порядка и предавали огласке то, чего нельзя было скрыть.

Многие из них совершенно не интересовались тем, из каких источников им приносил подхалим - подчиненный часы, аккордионы, золотые кольца, браслеты, отрезки материалов, курицу или коллекционное вино.

Им было приятно чувствовать на себе „заботу“ своего подчиненного и так „просто“ приобретать ценности, о которых раньше он не мог мечтать, а сейчас имел в любых количествах и даже посылать своим близким и знакомым.

Слухи о „привольной жизни“ в советской зоне Германии быстро дошли до других групп оккупационных войск в Польше, Чехословакии, Австрии, Венгрии. Там нельзя было так быстро и безнаказанно обогащаться, а поэтому в советскую зону Германии под разными предлогами пошли тысячи военнослужащих с официальными командировками и заданиями, надобность и действительность которых никто не проверял.

Характерный эпизод произошел в городе С. На одном из совещаний командант этого города сообщил, что в его районе идет заготовка скота одной воинской частью. При чем заготовители не предъявили никаких нарядов от вышестоящих штабов. Сообщая об этом, он спрашивает руководителя совещания: законно это или нет. Руководитель совещания—генерал ответил, что незаконно.

На месте произведенное расследование установило, что одна воинская часть, стоявшая в Чехословакии, в середине июня 1945 года т. е. в тот момент, когда уже больше месяца, как война закончена и все население

приступило к мирному труду, послала своих представителей для сбора... безхозного скота.

Заготовители принялись выполнять задание. Первое, что они сделали, — это нашли большую усадьбу и выселили из нее немцев. Затем поставили на дороге посты для задерживания возвращающихся на родину репатриантов. Они задержали до ста девушек и до пятидесяти мужчин, после чего приступили к „заготовкам“. Вот они пришли к бауэру и видят у него десять коров. — Семь коров мы берем, а тебе три оставляем. Давай, распишись здесь, что мы у тебя купили эти семь коров, или лучше подпиши, что пожертвовал это для Красной Армии,

Такими методами в течение двенадцати-пятнадцати дней было заготовлено до пятисот коров, двухсот телок и двухсот свиней; из всей этой массы организовали гурт скота, после чего, пустив винокуренный завод, бездельники предались наслаждению привольной жизнью.

Это делалось на глазах одного крупного штаба и многие большие лица из этого штаба были частыми гостями данного притона вплоть до его ликвидации. Штаб группы оккупационных войск Германии дал приказ распустить гурт, скот вернуть населению, а виновников строго наказать.

Эти мудрецы так хитро запутали отбор скота, что из всей массы скота можно было с достоверностью передать бывшим владельцам только лишь одну треть, а остальной скот передать для реализации мясокомбиту, для питания местного населения.

Один офицер, бывший на расследовании незаконных заготовок скота, в силу необходимости должен был сталкиваться с бургомистром этого города и привык видеть в этом бургомистре педантичного исполнителя. Однажды они с бургомистром условились встретиться на следующее утро для разбора заявлений населения, у которого был отобран скот. Офицер был очень удивлен, что в назначенное время педант-бургомистр не явился; и он с недоумением спросил об этом коменданта этого города. Комендант, выслушав вопрос, смущенно отвечает:

— Когда мы с вами и бургомистром занимались разбором заявлений, то в это время в его квартиру зашел один красноармеец, изнасиловал его жену, забрал

все ценные вещи и скрылся. Сегодня бургомистр вне себя от горя, обиды и унижения. Я просто не знаю, что делать?

И два русских офицера, краснея смотрели друг на друга.

В июле 1945 года в связи с одним служебным заданием я должен был объехать территорию Германии, отошедшую Польше.

Вся эта территория была словно вымершей. Кругом пустынные села и города. Абсолютно никакой жизни. Поляки с исключительной жестокостью и поспешностью выгнали все немецкое население из родных и обжитых мест, при чем немцы предупреждались, чтобы через двадцать минут они были готовы к уходу из своего дома и забирали с собой только то, что могут унести на себе. Ни коров, ни лошадей у уходящих немцев не было. Уложив на ручную тележку, все, что можно было взять лучшего, немцы шли на западный берег Одера. Ни денег, ни хлеба. На границе все вещи снова проверялись и проверявшие забирали часы и другие драгоценности, случайно уцелевшие. Эти нахалы не гнушались взять маломальски сносный костюм, платье или обувь. С этим немецким населением поляки сделали то, что Гитлер сделал с евреями. Разница была только лишь в том, что поляки не расстреливали немцев, а просто зверски выгнали их и тем самым обрекли их на голодную смерть.

Исключительный по своей наглости произошел случай на станции Кюстрин. Наши солдаты уже демобилизовывались и уезжали на родину.

Один из демобилизованных сидит на станции и закусывает; к нему подходит немка с ребенком и показывает, что она с того берега Одера, что она и ее ребенок три дня ничего не ели.

Доброе сердце русского человека! Солдат отрезает по большому ломтю черного хлеба ей и ребенку. Рядом сидевшие солдаты тоже поспешили поделиться с ней, чем могли. Эту картину издали наблюдал польский солдат из комендатуры. Он подошел к русскому солдату и начал его ругать за то, что тот дал кушать немке.

Русский ответил, что он сделал правильно и добавил: „дорогой мой, немцы в России наделали больше зла, чем в Польше, но это вовсе не значит, что нужно так же относиться ко всем немцам и заставлять их умирать от голода“.

Взбешенный поляк выхватил револьвер и застрелил русского солдата, немку и двух немцев, подбежавших туда. Через несколько минут подошли из русской комендатуры солдаты и забрали не в меру расходившегося вояку.

Спрашивается: кто привил такие методы расправы полякам? Та беспринципность на войне, которая установилась в практике реализации эренбургской пропаганды, и та беспринципность, которая около трех десятков лет практикуется сталинскими опричниками.

Экстренное задание: Союзники освобождают территорию, которая должна быть оккупирована советскими войсками. Нужно в течение суток выявить, что нам оставляют наши союзники. Задание интересное, ибо всех интересовало, что действительно нам передают союзники и каковы были их методы оккупации.

Вот здание американской комендатуры в городе Н. Только вчера американцы покинули город и еще много их санитарных машин вывозят раненых. В здании комендатуры нашего коменданта нет. Он знакомится с городом. Коменданта замещает старший лейтенант, с которым несколько красноармейцев. У него в комнате два американских офицера. Один из них прекрасно владеет русским языком и просит разрешения переочевать в старой квартире до утра, на что получает согласие. У старшего лейтенанта целая очередь жалобщиков из числа жителей города. Большинство из них пришли с заявлением о том, что у них отобрали русские офицеры автомашины и велосипеды. Пришли уже заплаканные девушки с жалобами на безчинства. У многих уже кое-что стащили и кое-кого уже изнасиловали.

Ничего не добившись в этой сутолоке, еду к бургомистру города, у которого через полчаса получаю справку на двадцати печатных страницах об обеспеченности города продовольствием, о состоянии промышленности.

Получилось так быстро потому, что это была копия доклада американскому командованию перед их уходом из города. По новой зоне Германии я ездил, как заграницей. Все было не так, как в нашей зоне. Везде были аншлаги антифашистов, приветствующие приход красной армии.

В одном из штабов корпуса я брал данные экономической разведки и одновременно беседовал с офицерами этого штаба о том, что они обнаружили после американцев.

Мне рассказывают, как один командир Н-й дивизии, узнав, что в городе есть завод хромовой кожи, немедленно устремился на этот завод и нагрузил хромом свою машину до отказа, после чего на завод поставил свою охрану, запретив владельцу завода что либо делать из данного хрома.

Мне говорили: — вот вы заставляете нас пускать предприятия в ход, но как же можно их пускать при методах, какие, например, применил наш генерал на заводе, изготовляющем хром. Ведь американцы делали все иначе. Если какому нибудь американцу нужен был кожаный костюм, то представителя этого завода вызывали сюда, с офицера снималась мерка и тот через два-три дня получал костюм, какой он хотел. Мы же такими действиями только замораживаем промышленность и инициативу промышленников.

Немецкое население, увидев это, стало быстро прятать все свои запасы. В эту кратковременную поездку я видел, что немецкое население, бывшее под американской оккупацией, не было разграблено, не было унижено и морально. Никто из немцев, встреченных мною, не смог назвать ни одного антиморального поступка американских войск, никто не высказал ни одной обиды на американцев. Только в больших городах жаловались на исключительный недостаток продовольствия. Меня поражало большое обилие немецких автомашин и мотоциклов в зоне американской оккупации. Во всех квартирах у немцев я видел прекрасные радиоприемники; все это в советской зоне уже было редкостью, а вскоре стало редкостью и в этой зоне, которую для нас освободили американцы.

Через месяц после занятия этой зоны все, оставшееся от американцев, было быстро поглощено трофей-

ными органами, в результате чего ничего не осталось на фабриках и заводах.

У всего же офицерского состава осталась страсть к наживе, к дешевому приобретению, остались привычки к широкой, пьяной и привольной жизни.

Все комендатуры были наводнены просящими офицерами, а наши военпреды на заводах были вынуждены скрывать свои адреса от этих попрошайек.

Население, освобожденной для красной армии зоны Германии, замечалось. Сводки опять полны фактами вооруженных грабежей, насильования женщин, убийств, дебоширств и избиений мирного населения пьяными офицерами и солдатами.

Старший офицерский состав больше уделял внимания коммерческим операциям, чем работе с людьми. В войсках опять резко пала дисциплина. Дело дошло до того, что одна кучка из полка связи украла легковую машину у командующего войсками и на ней раскатывала, производя вооруженные грабежи.

Такая картина разложения и повторного, резкого падения дисциплины, была повсеместно, по всей зоне оккупации. Встрепенулось командование советских оккупационных войск в Германии и стало призывать командующих армиями навести у себя порядок.

Вот один из характерных документов:

»Всем командирам.

При этом прилагаю выписки из письма немцев, сделанные нашей цензурой. Подумайте хорошенько, куда это идет и сделайте так, чтобы немцы не жаловались на нас.

Жуков».

И на четырех печатных страницах выписки. Они по человечески — жуткие.

1. Дорогие дети! У нас ничего не осталось, пришли русские солдаты и у нас все забрали. Нечего есть. Не знаем, доживем как либо до зимы или нет...

2. Гитлер и Геббельс в одном оказались действительно правы, это в отношении русских коммунистов. Даже наши немецкие коммунисты досыта насмотрелись на своих русских собратьев и начинают ненавидеть их.

3. Дорогой сын! Мы здоровы, но надолго ли — не знаем.

Все у нас сейчас очень плохо. Русские офицеры спаивают наших девушек водкой, спиртом, увозят их к себе на машинах и устраивают с ними оргии. Вечером просто невозможно выйти на улицу, хотя часто грабят и днем, прямо на улице. За нами следят и продают наши же люди и не верится, чтобы мы немцы, которых еще не так давно уважал весь мир, так низко пали сейчас и были так презираемы. Многие наши молодые люди не видят никакого выхода и кончают жизнь самоубийством.

И так все в этом духе. Жутко читать эти документы людей, которых Гитлер привел к катастрофе, и которые не могут быть уверены сейчас не только в завтрашнем дне, но и в сегодняшнем.

После этого письма Жукова начинает работать прокуратура. Чуть ли не каждый день по войскам объявляются приказы с приговорами военного трибунала. То там изнасиловали немецких женщин офицеры или солдаты, или какой-то лейтенант шел по автостраде, остановил немецкую машину и, убив шофера, скрылся. За два месяца не менее тридцати подобных приказов, но это случайно попавшиеся люди. Издается специальный приказ, требующий лучшей работы прокурора и других органов, выявляющих аморальное отношение к немецкому населению.

Но все это тщетно! Напрасно! Ибо офицерский состав разложен, в войсках много уголовных элементов, с полным знанием своей уголовной профессии использующих форму оккупационной армии.

Безудержный разврат охватил русские оккупационные войска. Командование обеспокоено неслыханным ростом венерических заболеваний и ежемесячно от трех до пяти приказов посвящает этому вопросу.

А беспокоиться действительно есть от чего.

Два громаднейших госпиталя только лишь одной армии были буквально переполнены венериками настолько, что не менее половины лечащихся были размещены на частных квартирах. Больные расхаживали и разъезжали на своих машинах, куда им захочется, пьянствовали и снова заражали тысячи здоровых немецких женщин.

Многие из больных, отчаивающихся увидеть себя когда нибудь снова здоровыми, просто решали прожигать остаток своей жизни, становились на путь бандитизма, грабили, убивали местных жителей и снова безудержно пьянствовали.

И это было возможно только потому, что лечащийся ве-

нерик мог очень легко скрыть свои гнусные похождения, ибо у врача на приеме он был один раз в неделю, а остальное время жил на частной квартире.

Если этот больной почему либо пропустил назначенную ему процедуру в результате своих блужданий и самовольных выездов, то небольшая подачка (из краденого) врачу или госпитальной сестре быстро делали свое дело.

Эти похождения венериков настолько всколыхнули командование войск и группы, что этому вопросу был посвящен специальный приказ, который обязывал санитарные отделы немедленно перевести венериков из населенных пунктов в госпитали и предупредить какой либо контакт с местным населением до окончания лечения. В настоящее время эти два гигантских госпиталя соединили в один, разместив его в одной из старых немецких крепостей. Больные оказались на положении заключенных в концлагерь.

Эта мера немного снизила только бандитизм и грабежи, но не снизила роста венерических заболеваний. Медсанбаты дивизий по прежнему забиты венериками, а большинство заболевших стараются скрывать свои заболевания и лечатся по знахарским методам или у немецких врачей. Такое положение обусловлено приказом командования, объявляющего венерическое заболевание военнослужащего, как сознательное членовредительство с вытекающими последствиями.

Большой процент венерических заболеваний падает на офицерский состав и на работников комендатур.

Росту проституции среди немецкого населения содействует чрезвычайно трудное положение с продовольствием ибо снабжение немецкого населения поставлено чрезвычайно плохо. Как правило карточки почти не отовариваются в той норме, на которую они выписаны. Это главным образом относится к жирам, мясу, мармеладу, сахару.

Пресыщенные же развратники уже не довольствуются немецкими женщинами и девушками; начинает расти детская проституция.

Вот перед вами шофер легковой машины начальника отделения заготовок. Этот начальник — коммунист; в прошлом — работник НКВД; и сейчас, нажившись на войне, добился демобилизации.

Его шофер хвастается перед своими товарищами и даже перед некоторыми офицерами тем, что сейчас у него в каждом городе по девочке в 12—13 лет. Этот выродок с упованием, закатывая от удовольствия глаза, хрюкает:

— Вы поймите, друзья, ни одной волосинки!

А до войны этот мерзавец был режиссером сельских клубов на Украине.

Одни подражают этому мерзавцу, другие с отвращением отворачиваются от него. Приводить к порядку таких людей мало у кого есть желание, ибо боятся запачкаться: подалее от навоза — меньше пахнет.

Вот перед вами другой тип — это лейтенант из Ленинграда. Весь его спрос — это водка и женщины. »Пока в Германии, надо использовать свое положение: одеться, кое-чего подбарахолить, а главное — как можно больше пожить в свое удовольствие. Побольше баб, побольше водки». Этот лейтенант, как и шофер, считает особой удачей для себя, как можно больше лишить немецких девушек девственности; и не без успеха, ему это удается.

Так обстоит дело в крупных штабах. Не лучше дело и в войсках.

Раз останавливаюсь в гостинице одного города. В два часа ночи раздается сильный стук в дверь моего номера. Спрашиваю в чем дело. Стучит дежурный по гостинице и просит меня помочь привести в порядок одного пьяного офицера. Одеваюсь и выхожу. Пьяный убежал и спрятался куда-то. Дежурный же рассказывает, что какой-то капитан, имеющий разрешение комендатуры переночевать в их гостинице, занял номер и потребовал привести к нему девушку. Требование не было выполнено. Тогда с револьвером в руках этот капитан стал бегать по корридорам гостиницы и сам искать. Все двери номеров закрылись и пьяное чудовище носилось по всем этажам большого отеля. Не найдя никакой жертвы, он возвратился в номер, сорвал телефон и принес к дежурному, потом ушел и улегся спать. Не проспав и часа, он снова принялся за розыски. В это время позвали меня. Захожу в номер блудливого прохвоста. На полу лужа мочи. Белоснежная простыня испачкана испражнениями. В углу у окна наглядная иллюстрация того, чем сегодня питался этот человек. Не успел я выйти из этого номера, как дежурный по гостинице снова приходит и заявляет, что офицер у него. Я иду и проверяю документы этого офицера. Он оказался начальником артиллерийского снабжения полка. Коммунист. Увольнительная записка из части на сутки. Звоню в комендатуру и прошу выслать конвой, чтобы забрать хулигана. Конвой его через полчаса уводит, а я на утро проверяю, что с ним сделали. Отпустили в часть без всяких последствий...

В этом же городе через неделю после этого случая, пья-

ный комендантский патруль без всякой причины застрелил одного немца-переводчика.

После войны некий подполковник был назначен заместителем командира одной артиллерийской бригады. Этот подполковник, кандидат в члены партии, прослужил в армии 25 лет и за выслугу лет награжден орденами. Это типичный офицер сталинской школы: безграмотный, беспринципный, способный на какую угодно грязную комбинацию и к тому же развратник и пьяница. Он чем-то не угодил начальнику политического отдела бригады (или не подарил зауровского ружья, или слишком мало дал водки — неизвестно) и тот, как начальник, начинает его третировать и преследовать. Подполковник свою полевую жену, русскую девушку, отправил на месяц в Россию, а вместо нее у него появляется хорошенькая немка, официально проведенная по штату уборщиц.

Начальник политотдела, узнав об этом, внезапно, является ночью на контроль. Подполковник и его любовница оба пьяные спали. Разбуженный, видя, что его проверяют, не растерялся и на вопрос проверяющих, кто это — быстро нашелся:

— Ах она проклятая! Хочет меня скомпроментировать! Ведь сколько раз я говорил ей, чтоб она не смела спать в моей квартире...

И... у всех на глазах схватил он пустую бутылку из под вина и стал избивать немку. Таких случаев очень много, но на них смотрят сквозь пальцы, когда дело идет об офицерах.

Один капитан, тоже коммунист, прослуживший в армии 25 лет, был очень обижен тем, что его лишили «Ордена Ленина», как ничем не выдающегося офицера. Узнав о таком несчастии, капитан загрустил. В один из вечеров он достает водку и приглашает другого товарища с двумя немками. Выпив водки больше, чем может осилить его организм, капитан свалился, а его гости разошлись по домам. Проснувшись капитан увидел, что он один. Возмущенный этим обстоятельством, он вламывается в соседнюю комнату и начинает избивать 60-летнюю старуху-хозяйку, спавшую в этой комнате. Соседи позвали военнотружущих, случайно шедших по улице, и на утро этот «герой» очутился у военного прокурора. Прокурор ничего не предпринял по отношению к этому негодяю, а отправил в штаб для наложения административного взыскания.

Всю советскую зону заполнили мелкие шайки из дезертиров и репатриантов. Эти люди занялись грабежом и насилиями над немецким населением.

Вновь обеспокоенное командование группы войск издает два специальных приказа по этому вопросу. В одном из приказов предлагается дезертирами считать всех военнослужащих, не выехавших после демобилизации на родину. Комендантам населенных пунктов и железнодорожных станций приказано проводить более жесткую проверку. В том же приказе ряд комендантов крупнейших городов получил взыскание за то, что давали возможность нескольким офицерам старшего состава (от майора до полковника) жить в этих городах тогда, когда они были уже демобилизованы, но не выехали и занялись барахольством.

Второй приказ обязывает всех командующих армиями немедленно выявить всех разложившихся военнослужащих и направить их в распоряжение группы войск для прохождения дальнейшей службы. Одним таким штрафным особым округом считаются Курильские острова.

Один генерал в развитие этих приказов заставил отдел кадров выявить не только всех разложившихся, но и стоящих на пути к разложению или могущих разложиться.

Через несколько дней ему отделом кадров такие списки были представлены. Тот в свою очередь представляет их военному совету. Военный совет вызывает к себе генерала, всех его начальников отделов, у которых в эти списки попали их подчиненные, и самих разложившихся.

Сначала разделявают «под орех» всех разложившихся и отпускают их. Потом начинают разделявать генерала и его начальников отделов за то, что они допустили такое разложение своих подчиненных.

После этого бедный генерал и его начальники отделов раскаивались в том, что дали фамилии своих разложившихся. Из этой «бани» каждый начальник ушел с твердым решением никогда впредь не представлять подобных списков.

С той поры во всех этих отделах «полный порядок».

Начались отпуска офицерского состава. Получено разрешение на ввоз семей офицерами и генералами оккупационных войск. На демонтаж заводов и фабрик приезжают тысячи специалистов и инженеров заводов.

Мы, живущие в Германии, начинаем от живых людей слышать, что делается на Родине. Эти сведения прошли к нам, миновав сталинско-бериевскую цензуру. И вот, когда слушаешь бесхитростные, откровенные рассказы русских людей, то безысходная, угнетающая душу тоска и неимоверная боль охватывают тебя.

Вот майор, возвратившийся из Москвы. Он член партии с 1920 года и в нем еще не окончательно угасли человеческая совесть и желание мыслить, по-своему, иметь свое мнение. У него есть еще стремление втайне, чтобы никто не знал, поделиться наболевшим с близкими друзьями. Но найти сейчас друга в армии трудно, ибо каждый—это сотрудник сталинской охраны. Такие люди, как майор, предпочитают делиться не со своим другом—коммунистом, а с простой «беспартийной сволочью». Этот майор рассказывает:

«Знаешь, друг. Я просто раскаиваюсь, что ездил в Москву. Раньше хоть воевал и к чему-то стремился, на что-то надеялся, а сейчас просто полное душевное опустошение. Мои прежние сослуживцы, из которых многие—мой воспитанники, там в тылу сейчас стали большими людьми и меня, не только их воспитателя, но и фронтовика, не узнают, не узнают даже тогда, когда я напоминаю им об этом.

Тебя наверное интересует, что сейчас в Москве, чем после войны живут люди? Слушай, расскажу. Побывал я во многих наркоматах. Как правило, с одиннадцати часов ни к одному ответственному работнику не добьешься: или заняты, или ушли. У всех на языке и в голове только и разговоров и помыслов, где, что и как достать. Этими комбинациями заняты все. По телефону больше слышен такой разговор:

—Ваня, я имею бочку масла. Что ты можешь предложить взамен?

—Коля, у меня на примете одна автомашина с мясом. Что я буду иметь при реализации?

Решил я жене помочь и вместе с сыном пошел выкупить по карточке продукты. Очередь у магазина в сто человек. Сегодня должны выдавать масло. На глазах очереди в магазин сгружают целую автомашину

масла. В очереди довольные лица и у всех уверенность что сегодня они будут кушать масло. Какой же получился конфуз, когда из ста человек оказалось только тридцать счастливчиков, получивших масло; вышел продавец и заявил, что масла больше нет. Возмущенные мы молча разошлись, думая про себя: для кого же оставили масло эти комбинаторы? Ты не думай, что с орденами тебе почет. В тылу говорят: «Знаем, как вы эти ордена достали! Раз ордена — значит не воевали. Тот, кто воевал, тот убит или инвалид, а вы в тылу околачивались!»

Герои Советского Союза и те там никакого веса не имеют. Из Германии барахла натащили и дешевле стала мануфактура, обувь. Много радиоприемников, велосипедов, мотоциклов. Можно за 5—6 тысяч купить даже легковую немецкую автомашину. Очень плохо живется инвалидам войны. Недавно в Таганском районе милиции Москвы этих инвалидов собралось человек сто. Пришли за тем, чтобы получить прописку для жительства в Москве. Милиция этой прописки им не дает. Тогда собравшиеся инвалиды костылями и клюшками выгнали из помещения милицию и заняли помещение. Отобрав печать и штампы, инвалиды в течение четырех часов накладывали их на паспорта всем приходящим за пропиской. Их деятельность нарушил приход усиленного наряда войск НКВД. Да! Ты наверное помнишь, как работал Дзержинский? Тогда, когда работал Дзержинский, была полоса заговоров и вся Россия кишела контрреволюцией. Но Дзержинский справился с ней, работая в одном доме на Лубянке. Сейчас же, браток, и контрреволюции нет, и социализм у нас построен, а НКВД усиленно проводит свое капитальное строительство. На Лубянке построено еще много четырнадцатизэтажных зданий с тысячами комнат, а в каждом из районов Москвы построены новые тюрьмы с десятками тысяч камер. И высятся гордо новые небоскребы НКВД над городом Москвой. Москва наводнена шпиками. Идешь, например, по Арбату и видишь, — стоит на углу почти каждого квартала откормленная морда, которая всматривается в лицо каждого проходящего. Эх, как раньше было все ж таки хорошо! Было много партий и каждый думал так, как он хотел, а сейчас хочешь, не хочешь, а думай так, как приказывают. Ну, ничего, чем хуже, тем лучше! Как ни крепка была государственная машина Гитлера, а полетела; — полетит и эта“.

Другие рассказывают еще более ужасные вещи. Вот капитан, побывавший в Москве, Харькове и Саратове. Он рассказывает о непрерывных волнениях и стычках инвалидов войны с милицией и с работниками местной власти из-за плохой постановки материального обеспечения пострадавших воинов и их семей. От Ленинграда до Ростова и Одессы оперирует многотысячная банда под названием „Черная кошка“, состоящая, главным образом, из демобилизованных солдат. Участники пайки не только прекрасно вооружены, но и богато оснащены автотранспортом. Эта пайка буквально наводит ужас по всем городам и селам, грабя и убивая мирных жителей. Милиция и органы НКВД ничего не могут сделать; многие из них — сами участники этой компании или больше внимания уделяют пьянству, разврату и взяткам.

Мне было очень неприятно читать письмо жены одного капитана из Костромы. В нем жена пишет мужу: „Дорогой Ваня! Пожалуйста, ничего не посылай из Германии. Это может привести к тому, что меня убьют вместе с дочерью. Все мы, семьи военнослужащих, мужа которых в Германии, уголовным элементом взяты на учет и не проходит дня, чтобы не убили кого-нибудь из получивших из Германии посылку. В 8 часов вечера из квартиры уже страшно выходить и я уже сейчас с дочерью дома не ночуем“.

На офицеров, приехавших из Германии в отпуск домой, буквально охотятся. Сейчас в России самое дешевое — это человеческая жизнь. За золотые зубы или часы убивают человека.

Многие говорят об ужасающей спекуляции, которая захватила буквально все слои населения. Да и как этому не быть?! Вот пример. Живет в Москве рабочая семья. Муж зарабатывает 200—250 рублей в месяц. Из них 70—80 рублей — налоги, займы, взносы. Кроме этого надо заплатить за квартиру, воду, электричество. Если будешь питаться тем, что дают по карточке, — неминуема голодная смерть. Нужны дрова, обувь, одежда, но все это можно достать только у спекулянта по цене не в десятки и сотни рублей, а в тысячи. У этого рабочего — жена, двое-трое детей. Муж работает, а жена ездит и спекулирует. То картофель везет из деревни, то в деревню везет мануфактуру. В результате этого все станции, вокзалы, поезда забиты пассажирами. Грязь,

вонь, духота, брань, крики, воровство, убийства, безконечное вымогательство взяток у всех и всеми — вот картина того, что сейчас делается на всех железных дорогах России.

Многие солдаты, побывавшие в отпуску, возвращаются в Германию усталыми, голодными, озлобленными и откровенно заявляют:

— Провались она проклятая сталинская жизнь. Чтоб я еще поехал в Россию!.. Лучше в штрафной роте, чем еще раз ехать в отпуск.

Население начинает открыто возмущаться наличием магазинов Особторга, ибо честному человеку там ничего нельзя купить. Колбаса — триста рублей кгр., икра — шестьсот рублей кгр., водка сто пятьдесят рублей литр. Что может купить там рабочий или служащий, получающий 200—300 рублей в месяц? Ничего.

Эти магазины — для сталинских опричников из НКВД, для сталинских опричников от науки с громким названием „лауреатов сталинской премии“, получающих тысячные оклады и кроме того ежегодные премии в 100—200 тысяч рублей. Эти магазины — для оголтелой массы спекулянтов и для неимоверно растущего множества бандитов, воров и растратчиков.

Одна медицинская сестра рассказывает, что делается в станицах на Дону, где она была в отпуску:

— Из нашей деревни на войну пошло 150 человек, а возвратилось только 12. В колхозе некому работать. Колхозникам выдают 500 граммов хлеба на трудодень. Люди голодные, разутые, раздетые и просто валяются на работе. Под снегом много осталось не снятого урожая: хлеба, подсолнуха, кукурузы.

О том, что на юге России под снегом много осталось урожая, пишут во всех письмах, особенно с Северного Кавказа и Закавказья.

Возвратившийся из отпуска майор, рассказывает, как его встретили родные. Его семья, конечно, обрадовалась приезду отца и мужа, да еще приехавшего с большими подарками. А вот его же брат и сестра были озлоблены приездом. Брат — подполковник, командир одной авиодивизии. Он был подбит в воздухе и сейчас инвалид, не может никак свести концы с концами на свою пенсию. Семья его голодает, а он нигде не может работать, так как вследствие ранения лишился речи. У сестры же убит муж и она тоже не знает, как прокормить

своих детей. Мы видим, что делается в Германии и что происходит в России. Голова разрывается от дум и мыслей. Хочется быть великаном, чтобы остановить этот ужасающий поток человеческого горя и несчастий, которые с каждым днем увеличиваются в нарастающей прогрессии.

Две страны — два народа. Сейчас они до дна выпили чашу горя и до конца знают, что такое диктатура. Это — Россия и Германия. Германия и ее народ уже получили результат и уже оплачивают неисчислимыми несчастьями кровавые заслуги фашистской диктатуры. Россия же сейчас в числе победителей, а диктатура там не 12 лет, как это имело место в Германии, а скоро будет праздноваться уже тридцатилетний юбилей. И поэтому Россию ожидают еще большие несчастья, еще большие беды, ибо в России растет уже второе поколение, не знающее, что такое нормальная жизнь, что такое — правда и что такое — ложь. Многие из этих поколений уже развращены до мозга костей сталинскими приемами лжи, агитации и пропаганды.

Было больно и стыдно за своих же людей, развращенных Сталиным и его генералами, творящих чудовищные дела в оккупированной Германии и уверенных в том, что они насаждают... культуру.

Солдатский котел так плох, что во многих местах начались открытые отказы от приготовленной пищи. Я по заданию своего начальника в конце октября 1945 года, в связи с этим, делал проверку одной дивизии. Меня просто ужаснула та безответственность к солдату, которая была проявлена командованием дивизии, полков и интендантских работников. В пищевых блоках — грязь и антисанитария, повара без халатов, меню-раскладок не имеется. Я взял из котла ложку борща, приготовленного на завтрак, и после этого у меня в течение двух часов оставался во рту неприятнейший привкус рапсового масла, которым был заправлен мясной борщ.

Майор, помощник командира этого полка, настойчиво уверял меня в том, что все приготовлено отлично. Я тогда не выдержал и предложил ему съесть тарелку этого борща. Это была настоящая трагикомедия, когда

он в присутствии 6 офицеров полка и дивизии делал «приятное лицо» человека, кушающего с аппетитом эту отвратительную бурду. Командование по моим материалам обследования дало только телеграмму в дивизию, ставя на вид безобразное обслуживание солдат.

В результате, в этой дивизии после проверки питание не только не улучшилось, а еще более ухудшилось, в чем убедился мой начальник при личном выезде туда. Убедившись лично, как в войсках заботятся о питании и обмундировании бойца, командование проявило некоторое беспокойство. Была организована сплошная проверка всех дивизий, вскрывшая тысячи вопиющих ненормальностей. Командованию пришлось проводить специальные совещание интендантских работников и там демонстративно снять несколько административных лиц, как в дивизиях, так и в армиях. Солдату стало немного лучше, и интендантам меньше удавалось воровать для офицеров и их семей. Тогда находчивые интенданты переключились на «заготовку» продовольствия среди местного населения за наличный расчет. Как не продаст немец курицу вооруженному солдату и офицеру? Конечно «продаст». И в результате—район, еще на пострадавший от воровства (там были американцы), остался без продуктов. Сейчас там все «куплено» по закону.

Если меня раньше, в первые дни занятия территории, оставленной нам американцами, поражало большое количество автомашин у местного населения, то к декабрю 1945 года встретить немца на легковой автомашине стало редкостью. Основную массу автомашин у них отобрали на контрольно-пропускных пунктах дорожно-комендантской службы армии и тысячами отправили в Советский Союз, остальные же владельцы автомашин, видя, что их ожидает, поспешили продать свои автомашины русским офицерам.

В связи с массовым приобретением автомашин офицерским составом начинается целая автомобильная вакханалия. Пьяные офицеры, не владеющие техникой управления автомобилем, наполнили суточные сводки сведениями о катастрофах и авариях. Разнузданные люди, получившие средства быстрого передвижения, заполнили села и городки, где нет комендатур и гарнизонов. Снова поднялась волна грабежей, убийств и насилий. Цифры фактов разложения непрерывно росли. Командование группы советских оккупационных войск

запретило офицерам иметь собственные автомашины и разрешило оформлять покупку только от майора и выше. Дорожные контрольные пункты стали отбирать у офицеров их автомашины, выдавая им по три тысячи марок. Эти машины направлялись в Советский Союз. Госпитали армии наполнялись ранеными и изувеченными при автомобильных катастрофах и авариях.

Дорожно-комендантской службе армии был дан строжайший приказ—проверять все военные автомашины и не останавливать на контрольных пунктах немецких машин, а также не сажать на немецкие машины военнослужащих, т. к. последние зачастую отбирали у везущего их немца его автомашину.

Исключительное возмущение шоферов одного автомобильного батальона вызвал поступок командующего войсками. В городе Н. стоял контрольный пост дорожно-эксплуатационного батальона; на посту стояла девушка—регулировщица. Она не знала, что на подъехавшей машине был командующий и одновременно начальник одной федеральной земли, и остановила его автомашину для проверки. Взбешенный командарм выхватил пистолет и пристрелил регулировщицу. Мне возмущение шоферов тем более было близко и понятно, потому что я знал, как шофера вообще не любят регулировщиков, считая их своими врагами. Здесь было искреннее возмущение солдат поступком генерала—палача, за которого эти солдаты через полгода голосовали и «единогласно» выбрали в Верховный Совет. Этот генерал среди офицеров и солдат пользуется особенно плохой славой; это—типичный выродок и самодур, проявивший себя как мастер мордобоя подчиненных ему людей.

Это он избивал лично командиров дивизий, начальников штабов, это он лично во время войны расстрелял нескольких хороших офицеров только потому, что ему что-то не понравилось, или он был не в духе, или ему не так ответили, не так доложили. Такого же прохвоста-самодура я знаю другого генерала, который, прибыв командовать одной гвардейской армией на Дон, зашел в узел связи в нагольном полушубке без всяких знаков воен-

ных отличий и избил телефониста только за то, что тот не отпрапортовал ему, как командующему армией, и не смог дать какую-то справку. Избив солдата, он заставил его залезть под стол, а сам начал соединять провода в коммутаторе. Эти два генерала — типичные питомцы сталинской военной школы, управляющие своими армиями по принципу: «бей своих, чтоб чужие боялись».

И эти люди сейчас насаждают гуманность, культуру, демократию! Один в Германии, другой в Венгрии. Этих палачей скоро будет стыдиться всякий, кто их знал, ибо возвратившиеся на родину многие расскажут о „славных“ делах этих, прославленных сталинской печатью, дважды героев Советского Союза. Хотя любители мордобоя в красной армии не они; — это идет выше, от маршалов; часто офицеры, стоящие перед портретами своих военачальников, иронически бросают: «Интересно, расскажет ли когда-нибудь Василий Иванович, как его били на докладе?...»

Армия усиленно проходит боевую подготовку. Идут строевые занятия в войсках, проводят военные игры штабы. В наш штаб для инспектирования прилетел Жуков с целой эскадрилей самолетов. Он по всем штабам рассылает привезенных с собой офицеров и ставит перед командармом ряд боевых задач.

По боевой тревоге подняты на ноги все. Начали работу штабы, завертелся весь аппарат. Офицеры Жукова засекают время, записывают упущения, промахи, фиксируют все недостатки. Вечером Жуков проводит разбор результатов игры.

— Вы, — говорит Жуков командиру кавалерийского корпуса, — или военный авантюрист, или же просто безграмотны. Вы из моего приказа знаете, что там танки, и эти танки хотите атаковать кавалерией, а вы, начальник штаба, не мальчик, а генерал-майор. Вы безобразно решили все задачи.

Все это говорится в присутствии подчиненных: полковников, майоров, капитанов. Спустя некоторое время, начальника штаба от должности отстранили. В узком кругу командование начинает оправдываться перед Жуковым, напоминая на свои заслуги в героической обороне и в победных маршах отечественной войны.

— Это неважно; — отвечает Жуков. — У вас то-

гда было просто военное счастье, или вы добивались победы ценой больших жертв живой силы.

В этих словах была жуткая правда. И напрасно Сталин говорит о семи миллионах погибших солдат. Эту цифру надо увеличить в два раза и только тогда мы будем близки к истине. Только тогда народы всего мира поймут, во что обошелся России „военный гений“ Сталина и его генералов, чего стоила борьба за независимость под их руководством. Только тогда по заслугам будут оценены жертвы русского народа, только тогда будет определена цена гениальности Сталина, воспетая Черчиллем. Гениальность его стратегических планов и гениальность тактических приемов на войне его генералов будет только тогда всем понятна, когда будут учтены все миллионы мертвых и калек.

Чтобы прекратить дальнейшее разложение офицерского состава, было запрещено на месяц продавать спиртные напитки не только в армейских военных магазинах, но и в немецких. В армии начались массовые отравления от употребления метилового спирта, денатурата и других неизвестных жидкостей. Зачастую десятки солдат и офицеров становились жертвами отравленной водки, подброшенной в расположение воинских частей гитлеровскими последышами.

Всем офицерам роздали «сталинское евангелие», краткий курс ВКП(б) и потребовали тщательного его изучения. В советских газетах появилось извещение о том, что Центральный Комитет Коммунистической Партии постановил издать полное собрание сочинений Сталина и что, его книга «Краткий курс истории ВКП(б)» выходит как четырнадцатый том этого издания. Раньше до этого извещения никто как-то не замечал, да и просто не знал, что эта книга написана Сталиным; только иногда тайно стилинские пропагандисты сообщали непосвященным в очень неясной форме, что эта книга редактирована Сталиным, не то часть глав написана им лично. И какое же удивление вывало у всех извешие, что она написана Сталиным! А удивляться было чему. В книге, что не страница то и — многоточие с двоеточием: «только благодаря гениальной предусмо-

трительности великого вождя партии товарища Сталина, партия большевиков добилась...», «только благодаря упорству и неослабной борьбе товарища Сталина, партия большевиков сумела разгромить...» и т. д. Словом вся книга—сплошное восхваление великого Сталина, сплошное перечисление его неоценимых заслуг перед советским народом. И все это Сталин написал о себе, как о постороннем человеке.

Да! До чего нужно быть недалеким кровавому узурпатору с куриными мозгами и его последователям, чтобы выступить в печати с такой саморекламой. Это во много раз превосходит гитлеровскую брехню «Моя борьба».

Тот, кто прочтет сталинский курс истории партии, тот поймет, насколько глуп и примитивен в своих методах саморекламы один из «современных гениев» 20 века. Прочтя этот труд, которым насильно пичкают всех жителей страны сплошного „счастья“, поймешь, как мало надо иметь духовного арсенала, чтобы овладеть искусством подавлять все живое. «Дурно дело—не хитро»—так говорит украинская пословица. И сколько издевательства над всем лучшим, что есть у человечества, слышится в словах: „какое счастье, что в труднейшие дни истории русского народа борьбой руководил сталинский гений». Такие речи господина Черчилля звучат как издевательство и над русским народом; тем более, что произносятся они в честь Сталина с правительственных трибун. Раньше при дворе русских императоров, были пииты, которые в одах воспевали дела своих повелителей. Державин, например, воспедал великие преобразования Екатерины II. Сталину мало того, что его воспевают его партийные лакеи и даже дипломаты его политических противников. Сталин сам решил себя рекламировать и сам задал тон этой рекламе.

И вам будет понятно, с каким интересом офицерский состав изучал эту книгу — историю такой «великой» партии. На контрольных занятиях выявилось, что никто ничего не знает. Тогда началось принудительное коллективное чтение этой книги по отделам штабов и по войсковым соединениям. Результат был тот же: никто не хотел ничего изучать, но боялся об этом сказать и даже подумать.

Февраль 1946 года. Сегодня начальник советской администрации федеральной земли одной провинции генерал-майор Колесниченко читает офицерскому составу лекцию о принципах работы советской администрации в Германии.

Лекционный зал заполнен до отказа офицерами.

— Товарищи! Из газет вы сейчас знаете, что происходит в Лондоне на генеральной ассамблее Объединенных Наций. Вы видите там позицию советской делегации и позицию наших союзников. Все, что там сейчас происходит—это есть борьба за Германию. Нам с вами пять лет нужно вывозить отсюда оборудование демонтированных фабрик и заводов и добрый десяток лет поработать над тем, чтобы добиться такого положения, когда с корнем будут уничтожены нацистские элементы и вырвана нацистская идеология. Нам нужно добиться такого положения, чтобы Германия смотрела на восток, а не на запад, ибо нам совершенно не безразлично, куда будет смотреть Германия после нашего ухода.

Дальше Колесниченко дает политико-экономический обзор прежней Германии, говорит о ее разгроме, о разделении на зоны оккупации, о структуре советской администрации.

— Сейчас вам ясно, что основная задача советской администрации и ее представителей на местах — комендатур — заставить Германию из постоянного врага России сделаться не только нейтральной, но и союзной державой. Наши комендатуры в настоящее время представляют собой копию нашего районного исполнительного комитета, мимо которого не проходит ни одна сторона хозяйственной и политической жизни данного района. Не к вам, армейские офицеры, а к нам, к нашим комендантам идет немецкое население, разрешать все свои вопросы. И отсюда вы поймете, какое огромное политическое значение имеет работа наших комендатур. Работать в комендатуре трудно; там есть все условия для разложения; но есть условия и для работы. Нас наши союзники обвиняют в том, что в нашей зоне оккупации царят грабеж и насилия над немецким населением. Мы попросили, чтобы приехали представители их газет и проверили это дело. Приехали их корреспонденты, побывали во многих местах и ничего не нашли. Если у нас безобразничает одна какая-нибудь

банда, то союзникам выгодно раздуть это дело, в то же время в их зонах хозяйничают крупные банды порой до 150 человек. Такие факты они стараются скрыть.. Вот недавно нас посетил президент одной немецкой провинции из зоны союзников с целью ознакомиться, что делается в нашей зоне. Прежде чем пропустить этого президента к нам, союзники тщательно перерыли все его чемоданы. Мы же дали приказ открыть шлагбаум и ничего не осматривать, а также пустить его туда, куда он захочет поехать или пойти, и разрешать ему с кем угодно разговаривать. Перед отъездом он побывал у меня и выразил удивление: почему он мог так свободно изучать все то, что его интересует, и почему его никто нигде ни разу не проверил? Тут, товарищи, я уже сам не удержался от пропаганды и заявил ему: «ведь там же у Вас — демократия, а у нас — диктатура». Хотя, что греха таить, много есть, товарищи, в нашей работе безобразий. Нам нужно добиться такого положения, чтобы не было воровства и насилий над немецким населением, чтобы оно не боялось вечером выйти на улицу и не дрожало от страха и опасения, что вот-вот какой-нибудь Иван снимет часы или кольцо. Я заявляю, что мы не посчитаемся ни с чем, лишь бы в нашей зоне был наведен порядок. И вам наверное будет не безинтересно знать, что по этому поводу сказал товарищ Жуков. Он заявил, что придется расстрелять десять—четырнадцать тысяч наших людей, которые мешают нашей политике в отношении Германии. Учтите это. В отношении же политических партий в Германии мы добиваемся сейчас слияния коммунистической партии с социал-демократической. Сейчас по этому вопросу происходит ожесточенная борьба, порой выливающаяся в очень обостренные формы. Особенно большое сопротивление мы получаем в Эрфурте. Там много сторонников самого категорического сопротивления этой коалиции. Ну, уж будьте уверены, товарищи, что мы этой коалиции добьемся и, если нужно будет, сумеем изолировать противников или же вообще заставим их замолчать. В отношении нацистской партии у нас остается также установка самой решительной борьбы, но здесь в этой борьбе надо отличать настоящего нациста от тех, кто пошел в эту партию по принуждению. По нашим данным нацистская партия была самой мощно партией в мире и насчитывала в своих рядах около

30 миллионов членов. Многих из них надо суметь привлечь на свою сторону и заставить работать на нашу демократию.

Мне потом пришлось побывать на одном немецком заводе и я там понял, почему колесниченки так усиленно добиваются этой коалиции. На этом заводе только 3 коммуниста и более 40 членов демократической партии. К этим трем коммунистам отношение рабочих и самой администрации самое пренебрежительное и даже враждебное. Они буквально не пользуются никаким авторитетом. Под маркой объединения авангарда рабочего класса колесниченки хотят создать для себя опору в будущем, ибо будет несомненным фактом, что на этом заводе двое из этих коммунистов путем «тайного и закрытого» голосования будут выбраны в руководящий орган заводской партийной организации и, используя партийную дисциплину, смогут быть действительными проводниками всего того, чего хотят от Германии эти колесниченки и их вожаки. Под маркой коалиции проводится большевизация Германии. Сталин, как говорят немцы, хочет сделать Германию одной из своих губерний. Это, конечно, правда. Сталин делает все, чтобы в числе его губерний была Польша (да она уже в настоящее время и стала губернией Сталина), Венгрия, Румыния, Болгария, Австрия. И все, что нужно для этого, сейчас там уже делается с исключительной к тому же быстротой. Во всех этих местах политический и государственный аппарат скомплектован только из тех людей, которые осуществляют и могут в дальнейшем осуществлять планы большевизации Европы.

Мне было очень странно услышать, (я впервые узнал это в марте месяце 1945 года), что маршал Тито — это командир интернациональной бригады, воевавший когда-то в Испании. Мне тогда многое стало понятным из того, какими путями и методами Сталин старается подчинить своему влиянию Европу. У него, как и у Гитлера, та же бредовая идея о мировом господстве. Только один строил свои расчеты на основе расового превосходства немцев, а другой строит на основе классовой теории, разжигая классовую борьбу, культивируя классовую ненависть, обостряя противоречия между другими государствами и используя эти противоречия для своих целей.

Эта война открыла глаза русскому народу. Не ли-

куйте, Сталин, что вы сегодня «победитель» одной из темных сил человечества; вы сами—дьявол еще не менее темной силы, заражающей сейчас человеческое общество. Если вы сейчас, кровавый паяц, облеклись в тогу миротворца и носителя самых лучших демократических идей и порядков, то не думайте, что это будет долго продолжаться. Ваша судьба—судьба Гитлера. Это вы с ним—организаторы последней чудовищной мировой бойни. Взгляните на свои руки, на свои дела, кровавый палач, и покажите эти руки и дела народам.

От ужаса и омерзения они отвернутся от вас, как от невиданного чудовища. Вспомните, как вы и вам подобные разложили русскую армию в 1917 году и не дали России еще тогда покончить с агрессивной политикой Германии. Что вы тогда говорили? Вы тогда говорили, что, Англия, Америка, Франция—это империалистические хищники, которых надо уничтожить. Вы тогда во всю вашу кровавую глотку кричали: «долой войну, да здравствует война гражданская!»

Вы тогда солдат Англии, Франции, Америки натравляли на их же народы и, пользуясь трудностями России, установили в ней кровавую диктатуру. Вместо того, чтобы помочь союзникам еще тогда разделаться с Германским поджигателем войны, вы со всеми вашими провокаторами поддерживали агрессивные элементы Германии и неустанно твердили о драконовских для Германии статьях Версальского договора. Вы тогда надеялись на то, что Германия будет большевистской, и не жалели для этого ничего. Вы тогда в народах России старались найти сочувствие к побежденной Германии и уже тогда ваши молодцы считали Германию своей. Вы помните, как в 20-х годах ваши молодцы распевали песенку: «Ведь от тайги до Британских морей, красная армия всех сильнее». Что это значит? Когда красная армия в 20-х годах была у Британских морей? Вы помните, как вы заполнили все страны провокаторами войны из застенков коминтерна? Сколько золота, награбленного вами в русских церквях и изъятых кровавыми методами у населения, вы пустили тогда на свою пропаганду, на провокации, на заговоры? Ведь кровавый Гитлер по сравнению с вами—жалкий гном. Кто не знает, что нацисты и коммунисты всегда были в оппозиции в немецком Рейхстаге в то время, когда демократические партии проводили какое-нибудь мероприятие. Вспомните, Сталин,

что вы делали для того, чтобы в Европе вспыхнул пожар? И как вы были довольны, когда он начался. Вы тогда со сладострастием дегенерата подливали масла в разгоравшийся огонь мировой войны. За что вы выгнали Литвинова из наркомата иностранных дел? За то, что он предупреждал вас, что надо быть в союзе с Англией и Францией, что нам Гитлер готовит чудовищную войну. Вы тогда объявили его врагом и заявили, что он и его сторонники хотят поссорить два великих народа; вы послали к своему коллеге-чудовищу своего горе-дипломата Молотова заключать договор о дружбе. Хорошенько вспоминайте, Сталин, ибо потом, скоро за все вам и вашим уже немногим друзьям придется держать ответ. Хорошенько вспомните, как вы были довольны, когда немецкие самолеты на вашем бензине бомбили мирные города Англии бомбами из вашего металла. Вы тогда, сердобольный демократ, потирали руки от удовольствия, а ваши гиены от печати восхваляли вашу мудрую политику. Ведь эти документы, в которых вы объявляли, что вы оказали Гитлеру очень большую помощь в его войне против наших будущих союзников, останутся. А эта помощь была в таком размере, что потом Гитлер против русского народа воевал русским металлом, бензином и хлебом.

Когда же ваш вероломный друг бросился на вас, вы стали метаться из стороны в сторону и со стремительностью проститутки начали строить новые теории о демократическом духе войны, о демократическом духе антигитлеровской коалиции, боясь, что союзники не будут поддерживать вас. Так знайте же, Сталин, что союзники подали руку помощи не вам, а русскому народу. По крайней мере, так думал и думает русский народ. Поэтому и только поэтому так героически он сражался в этой войне. Когда же окончилась война и, вместо благодарности союзникам и русскому народу, вы с еще большей стремительностью, чем прежде, стали развивать вашу подлецкую работу по натравливанию народов друг на друга, вы быстро забыли, что говорили во время войны. Ваши громилы-дипломаты стараются из всех сил расколоть только-что созданные для мирного сотрудничества народов Объединенные Нации. Вы требуете вывода войск из Греции, тогда для чего вы их держите в Болгарии, Польше и других местах? Или союзные войска в Греции не дают развернуться вашим

провокаторам гражданской войны и деморализовать дух греческого народа? Зная, что устав Объединенных Наций предусматривает невмешательство во внутренние дела его членов, вы требуете, чтобы государства мира вмешались во внутренние дела Испании и помогли испанскому народу устранить режим Франко. Вы требуете устранить его, как последний очаг фашистской диктатуры, помогавшей Гитлеру. Но он не последний. Вы, Сталин, больше двух лет были несравненно лучшим помощником Гитлера в его победном марше по Европе. Да! Как было-бы хорошо, если бы государства — члены Объединенных Наций вмешались не только в дела Франко, но и в ваши кровавые дела, «товарищ» душитель народов России. Вот такие мысли одолевают нас, русских людей, когда мы слушаем лекцию Колесниченко, читаем и слышим о том, что говорится на Генеральной Ассамблее в Лондоне.

В одном из пригородов Берлина, когда еще в городе шел ожесточенный бой, в прекрасной немецкой усадьбе разместился наш армейский ветеринарный лазарет. Жители усадьбы не покинули своего дома и спокойно расхаживали по квартире, двору и саду. Наши солдаты после размещения лазарета начинают „осваивать“ усадьбу. От их зоркого глаза ничего не может ускользнуть, особенно то, что может быть предметом «цап-царап»; они везде хотят найти что-нибудь для посылки на родину, или для использования в своем походном обиходе. Под «контроль» попадает кладовая, погреб, шкафы, гардеробы, письменные столы. Железный щуп на полтора-два метра пронизывает земельный участок усадьбы. И как, „навозну кучу разрывая, петух нашел жемчужное зерно“, так и наши солдатики где-то нашли массу каких-то чертежей. Позвали офицеров. Те военным чутьем и по конфигурации отдельных контуров догадались, что это не простые чертежи, а связанные с постройкой каких-то самолетов. Вызвали хозяина. Им оказался немец годов под пятьдесят по документам; по внешнему виду ему нельзя было дать более тридцати лет. Так он молодо выглядел. Он без долгих обиняков сказал, что это чертежи знаменитого самолета Фау-3, бомбившего Лондон, а он — его конструктор. Немедленно доставили его в контрразведку армии. Он несколько не был смущен таким положением и держал себя исключительно спокойно, т. к. был полностью

уверен, что ему здесь ничего, кроме хорошего, не будет. Он свободно рассказывал по близлежащей территории. Наши офицеры воспользовались этим и старались поговорить с конструктором. Вот рассказ одного офицера, говорившего с ним:

— Я его спрашиваю—сколько ему лет, он отвечает, что сорок восемь. «А почему вы выглядите так молодо»? Он отвечает: «Я над этим самолетом - снарядом работаю с 1918 года и, кроме этой работы, я ничего больше не знал; меня обеспечили всем и я буквально ни в чем не нуждался».

«Скажите, что из себя представляет этот самолет-снаряд?» Он же мне в ответ: «Ну, об этом рассказывать долго и вы многого без специальных знаний в этой области не поймете, а коротко: это — комбинация двух патентов, один французский по аэродинамике, другой английский по пиротехнике. Наша разведка купила их у этих авторов, а моя задача заключалась в соединении их в одно целое, что я приблизительно к 1935 году и сделал. Генерал де-Голль уже расстрелял автора, продавшего нам патент, а что с английским автором, я не знаю». Я спрашивал его о том, что он думает делать дальше. „Как что? Разве России не нужна будет моя работа? Работать буду“.

Через несколько дней мы уже не видели конструктора этого чудовищного снаряда, ибо он был отправлен в Москву. Вот такие люди знали, сколько зла они принесли народу Англии; они не шли сдаваться союзникам, а сдавались красной армии. Те же, кто натворил уйму чудовищных преступлений на территории России, старался попасть в руки союзников, где, конечно, не имели такого радушного приема, как сей конструктор в Москве.

Сталину, мечтающему о мировом господстве, такие конструкторы снарядов смерти очень нужны. И как действительно хорошо, что теперь секрет изобретения атомной бомбы находится в руках таких демократических стран, как Англия и Америка. Большинство нас, русских людей, уверенно в том, что, еслибы этот козырь чудовищного разрушения был в руках Джугашвили, то на Эльбе с американцами была бы организована такая же встреча, какую он устроил при совместном разгроме Польши советскими и немецкими войсками. Тогда схода в бой с друзьями вступило 8 дивизий красной армии.

Рибентроппу пришлось срочно вылететь в Москву и там улаживать результаты вооруженного столкновения. Тогда Гитлер еще не был подготовлен к войне с Россией, а Сталин знал, что Гитлера ожидают крупные бои на западе, что Гитлер не подготовлен к борьбе на два фронта, что этим вооруженным столкновением можно что-то урвать у Гитлера для расширения своего плацдарма в Европе.

Сталин верен проституирующим принципам материалистической диалектики: все течет, все изменяется. И он, подобно хамелеону, быстро меняет свой наружный цвет, свою фразеологию и методы своей разрушительной работы в зависимости от обстановки, обязательно сохраняя неизменное стремление насаждать свою систему во всем мире, свое стремление к мировому господству.

Вот почему все военные заводы Германии в советской зоне оккупации не уничтожаются, а поспешно вывозятся в Россию. Вот почему гигантский завод самолетов-снарядов демонтирует полк специального назначения, и на территорию этого завода не разрешается входить даже работникам местной комендантуры. Все офицеры, возвращающиеся из отпусков, сообщают, что военные заводы и те заводы, которые в ходе войны превратились в военные, не только не уменьшили выпуска своей продукции, а наоборот, увеличивают.

Против кого же вы, Сталин, „мироворец“, так стремительно вооружаетесь? Или вы думаете, что кто-нибудь вам поверит серьезно, что эти вооружения только для охраны мира во всем мире, что только в ваших руках оружие служит делу мира? Тогда чем же вы объясните свои агрессивные походы против Финляндии, Польши, Румынии, Литвы, Латвии? Или вы думаете, что все это забыто? Вы тогда без обвиняков сказали, что сейчас вы сильны, а вы Западная Европа, капиталистический мир немного потеснитесь. Или вы, бездарный недоучка, не евший солдатской каши, ничего не понимающий в военном деле и по вашему же приказанию награжденный званием генералиссимуса кремлевскими подхалимами, думаете, что русский народ вас и в дальнейшем поддержит в ваших будущих завоевательных походах?

Ошибаетесь Сталин! Русский народ вместе со своими союзниками защищал свою родину от чужеземного врага, напавшего на него, благодаря вашей чудовищной

работе и благодаря вашим горе-дипломатам. Народ боролся для того, чтобы отстоять свою независимость от внешнего врага, а потом сбросить и вашу кровавую диктатуру, чтобы освободиться и от вас, своего внутреннего, ненавистного врага.

Народы нашей страны, измученные вашими пятилетками и ужаснейшей войной, думают сейчас только о мире, только о том дне, когда можно будет жить на земле так, как подобает жить человеку, когда можно будет, наконец, познать счастье спокойной жизни и труда, а не ложиться со страхом: а что будет со мной завтра?

Сталин! Ведь вы когда-то с кремлевской трибуны декларировали о том, что немецкому народу нечего бояться, если он лояльно выполняет все требования союзников. Этот пункт вашей декларации на немецком языке в десятках тысяч экземпляров был размножен вашей пропагандой в виде плакатов и листовок, а также повторялся на специальных панно на автомобильных дорогах. И что же делается сейчас после таких ваших широковещаний? Вы пятнадцать миллионов немцев согнали с насиженных земель и превратили их в нищих, а на оккупированной вами территории ни один немецкий житель не может без страха выйти на улицу, а весь немецкий народ буквально не знает, что с ним будет завтра. Поистине—коммунистическая партия—защитница трудящихся всего мира. Вы, вместо освобождения немцев от темных сил, сковали их, как и русский народ, как и все подвластные вам народы, чудовищным страхом за свою судьбу. Ценою крови и страданий немцы также убедились, каких «друзей» трудящихся возглавляет Иосиф Джугашвили.

Первых виденных мною немецких девушек на другой день после занятия города изнасиловал майор из разведотдела штаба армии. В Берлине командование войсками забрало из банков и сейфов государственных учреждений четыре тысячи чемоданов с золотом, драгоценностями, часами и другим ценным имуществом, сданным туда частными лицами на хранение. Часть этих чемоданов была предназначена для премирования лучших подхалимов в войсках. И только благодаря тому, что начальник вещевого отделения был озлоблен на своего руководителя, эти чемоданы пришлось отгрузить в штаб фронта.

Ведь это же не трофеи, это имущество частных лиц. Почему при американцах во всех немецких банках немцы могли получать свои деньги, а после их ухода советские представители изымают из банков все и оставили население без денег. Чем объяснить неистовый разгул и насилия на оккупированной территории. Тем, что сталинщина своим покровительством уголовным элементам разлагает русскую армию и дискредитирует русский народ перед всем миром. Если во время войны у русского народа был один враг — гитлеровская Германия, то сейчас, благодаря сталинской политике, выковываются новые враги: в Болгарии, Венгрии, Румынии, Польше; еще более восстанавливается против русского народа покоренная Германия. Вот почему тысячи немцев ежедневно покидают советскую зону оккупации и переходят в зону союзников. Вот почему господин Сталин так оберегает советскую зону от союзников, поставив усиленную пограничную охрану и отдав в полную власть пограничных бандитов, бегущих от нас немцев. Скажите, куда идут все отобранные золотые часы, кольца, серьги, все драгоценности, взятые у десятков тысяч немцев при переходе границы? Они идут на взятки, на подкуп в армии уголовными элементами тех, кто и в дальнейшем будет давать возможность творить гнусные дела.

Нет предела вашему лицемерию, Сталин, и лицемерию ваших ставленников. Ваши генералы помнят, как в трофейные органы армий в течение пяти дней свалили все продовольствие Берлина; а потом, испугавшись десятков тысяч голодных смертей большого города с многомиллионным населением, Жуков бросил лицемерную фразу: «мы должны позаботиться о побежденном народе и кормить его из фондов красной армии».

А как, захлебываясь от лицемерного удовольствия, ваши генералы кричали: «Это действительно исключительный акт гуманности, когда победитель заботится о побежденном»!

Они забыли, эти генералы, в частности тот, которому докладывалось, что фабрика Сароти — это швейцарская фабрика. И несмотря на это предупреждение, приказано было отвезти туда интендантских рабочих, чтобы в гуле боя вывезти из нее как можно больше. Не забыли вы, как вывозили все с крупнейшего мясо-

комбината, снабжающего только население Берлина, на армейские склады?

Или вы думаете, что вам также война все спишет?

Теперь хорошо знают миллионы русских людей, побывавших в Польше, Румынии, Болгарии, Венгрии, Австрии, как им в течение десятков лет лгала, «втирала очки» сталинская пропаганда. Эти люди видели, как лгала эта пропаганда об угнетении и безобразном положении народов этих стран. Эти люди видели, что любой забитый бедняк-крестьянин живет зажиточней и свободней нашего самого зажиточного спекулянта, и что самый неквалифицированный рабочий живет лучше и свободнее нашего самого удачливого, квалифицированного лжестахановца. Эти люди видели, что самый мелкий служащий живет лучше и имеет больше всяких свобод, чем любой академик или крупный государственный деятель в стране под сталинским солнцем.

Эти люди, наконец, видели, что в самых реакционных странах у людей еще сохранилась мораль, чувство человеческого достоинства и необходимость человеческой солидарности, потребность слышать и говорить правду и в соответствии с этим направлять свои поступки. Сейчас мы знаем, что Сталину труднее маскировать свои подлые дела и знаем также, что Сталину во сне и наяву мерещатся новые декабристы. Как отечественная война 1812 года принесла на штыках обратно в Россию декабристов, основоположников русской демократии, так и эта война принесет на своих штыках избавление русскому народу от чудовищной диктатуры большевистского недоучки.

В настоящее время в советских оккупационных войсках идет дальнейшая демобилизация рядового и сержантского состава. Первая очередь демобилизованных командованием войск была щедро награждена подарками за счет трофейных складов (мануфактура, радиоприемники, сахар, мука); этим демобилизованным тогда разрешалось, кроме подарков, покупать нужные вещи за наличный расчет по специальным талонам в магазинах военторга. Кроме этого, эти пионеры демо-

билизации за время боев на территории Германии сами успели захватить для себя не мало ценных вещей.

Теперь же вторая очередь демобилизации проходит в иной обстановке: в трофейных складах нет ничего. Все же ценности, приобретенные рядовым и сержантским составом за год пребывания в Германии, давно уже посланы на родину. Приезжать же домой победителю без подарков нельзя. И вот сейчас во всю разгорается вновь жажда приобретения. Кто имеет деньги — покупает, кто их имеет мало — вымогает, а кто совсем не имеет денег — делает «цап-царап» у местного населения.

Репатрианты! Сколько крови, горя и слез в этом слове! Миллионы русских, украинцев, белоруссов попали в гитлеровскую каторгу, благодаря «военному гению» «отца народов». Хваленая сталинскими опричниками военная машина его диктатуры отступала на восток под бешеным натиском гитлеровских полчищ и оставляла врагу в его полную власть беззащитное население. Оно было не только безоружно и беззащитно, оно было без хлеба и без одежды, ибо отступающая красная армия вывозила все запасы продовольствия, фабрики, заводы. А то, что не могли вывезти, сжигалось, взрывалось, уничтожалось всеми способами под предлогом, чтоб этим не мог воспользоваться враг. Отступающие не думали о судьбе миллионов людей, оставляемых на произвол врага. Они не думали о том, чтобы оставить какие-нибудь резервы для своих же людей, одновременно не предоставляя им возможности эвакуироваться в глубокий тыл страны, ибо транспортные ресурсы были ограничены и вывозились в первую очередь только семьи офицеров, ответственных коммунистов и энкаведистов.

Врагу оставлялось население не только без каких-либо средств к существованию, но и клейменное пятном большевизма, варварства. Голодные люди были в то время без крова, измученные и производили на приходящего врага впечатление одичавших людей, лишенных каких-либо моральных и интеллектуальных задатков. Может быть, в этом Гитлер и его последыши и

нашли подтверждение для своей теории «унтерменшей» и, как настоящих рабов, стали миллионами вывозить на каторжные работы в Германию, охотясь за ними так, как охотились когда-то работорговцы за неграми в Африке.

Забросив миллионы этих людей на немецкую территорию, фашистские варвары создали для них гораздо худшие условия, чем для своего скота.

Теоретическое обоснование для фашистских вырождаков в отношении славян, превращенных в рабов, было исключительно простое:

— Раз эти люди более двух десятков лет терпели сталинскую кровавую каторгу, то зачем нам создавать для них лучшие условия. Ведь Сталин выдрессировал нам этих рабов и, если мы их будем бить и уничтожать еще больше, чем это делал Сталин, — они будут для нас великолепными и нетребовательными роботами. А что их много подохнет,—неважно. Эта низшая раса имеет исключительную способность к быстрому размножению, что для нас, господ мира, тоже неинтересно.

Так люди из одной каторги попали еще в худшую.

От Волги до западных границ России мы очищали от врага русскую землю под лозунгом: «Смерть немецким оккупантам». Когда же оккупанты были изгнаны из пределов России и когда мы вступили на территорию Польши, Чехословакии, Румынии, Болгарии, — красная армия получила другие лозунги: «Освободим народы Европы от фашистского гнета», «добьем фашистского зверя в его собственной берлоге!», «вызволим миллионы наших братьев и сестер из фашистской неволи!»

Эти лозунги были популярны среди русских людей и поэтому все они стремились в Западную Европу.

Без сомнения, не было среди русских людей ни одного человека, который не хотел бы помочь народам Европы сбросить с себя ненавистное иго немецкого нацизма; конечно, не было ни одного русского человека, который не стремился бы достичь немецкой столицы и освободить от изнурительного труда и от постыдных для человека условий жизни своих соплеменников, попавших в гитлеровскую каторгу.

У всех русских людей буквально чесались руки от желания как можно скорее добить гитлеровских палачей в их собственной берлоге.

Но в тот момент, когда эти лозунги давались, мно-

гие из нас, русских людей, уже с затаенным ужасом представляли, насколько эти прекрасные лозунги, мобилизующие лучшие порывы благородной души русского человека, будут в результате победы над Германией скомпрометированы.

Мы боялись того, что, вместо освобождения народов Европы от цепей немецкого нацизма, мы на своих штыках, на штыках красной армии, принесем народам Европы еще худшую по своему коварству и бесчеловечию сталинскую блудливо-изворотливую диктатуру.

Мы боялись того, что, освобождая наших братьев и сестер из гитлеровской неволи, мы их обрекаем на самую бесчеловечную расправу сталинских опричников из НКВД, что наши радостные встречи с невольными пленниками будут потом омрачены потоком крови и слез, что большинство их будет нас проклинать, как освободителей не от гитлеровской неволи, а как «освободителей» от родного очага, от спокойной жизни, от гражданских свобод и как „освободителей“ от самой жизни.

Когда мы шли по Украине, тысячи опечаленных матерей с красными опухшими от слез глазами рассказывали русским воинам, как плохо живется их деткам, угнанным в неволю, и умоляли нас о том, чтобы мы в Германии обязательно разыскали их дитя и помогли ему поскорее вернуться в лоно родной семьи.

Каждая мать на Украине, в Белоруссии, Польше, мать подростка, юноши или девушки, попавших в Германию, рассматривала бойца красной армии, как своего личного посланца в неведомую чудовищную страну, посланца который освободит ее детей из неволи. Каждая такая мать внимательно и любовно ухаживала за своими посланцами во время их короткого привала вне дома и с трогательной торопливостью совала им подарки из тех крох, которые уцелели от гитлеровской орды. Каждый из нас, посланцев этих несчастнейших в мире матерей, с нетерпением ждал священного момента, выполнить наказ матери-Родины и поскорее увидеть освобожденных наших братьев и сестер.

Нет слов, передать трепет волнующих встреч русских воинов с освобожденными братьями и сестрами на территории Германии.

Пылкие, благородные поцелуи и объятия юных девушек, загорелых и огрубевших в боях воинов... Крепкие пожатия рук и слезы радости на глазах измученных

нечеловеческими условиями труда и жизни, славянских юношей!... Торопливые рассказы о пережитых издевательствах в нацистской Германии, миллионы вопросов о Родине...

Но вот прошло волнение и радости первых встреч. Начались будни, горькие будни для освобожденных и освободителей-победителей.

Всех бывших советских подданных концентрируют в лагеря. Там начинают свою работу агенты НКВД, внося распри и раздор в гущу репатриантов, чтобы в этом хаосе человеческих страстей пожать обильную жатву очередных жертв.

Начинаются доносы одного на другого; кто как работал, кто как относился к немцам, кто был в худших или лучших условиях.

В каждом лагере репатриантов с неутомимой энергией работают специальные отделы НКВД—армейские КРО „СМЕРШ“.

Репатрианты чувствуют, что за время войны и за время их отсутствия на родине ничего не изменилось. Что охота за человеком, как за зверем, по-прежнему одно из самых любимых занятий «отца народов», что дома их ожидают бесконечные аресты и допросы, создание атмосферы подозрительности и рассматривание каждого побывавшего в гитлеровской каторге, не как несчастного человека, потерпевшего от войны, а как агента фашистской разведки, как гитлеровского пособника.

В армии начались массовые репрессии против военнослужащих за то, что некоторые влюбились в русских девушек, освобожденных из немецкой неволи, или любя друг друга до войны, молодые люди случайно встречались на территории Германии.

Политический аппарат армии официально рассматривал всех репатриантов, как вольных или невольных пособников Гитлера; в ряд учреждений красной армии было категорически запрещено принимать на службу людей, которые были на оккупированной немцами территории или на работах в Германии.

Люди мира! Найдите мне такую страну, такую нацию, таких государственных деятелей, которые с таким жестоким искусством могли ежедневно и ежечасно, непрерывно в течение тридцати лет изобретать методы расчленения людей, унижения их, насаждения атмос-

феры подозрительности, не считаясь ни с чем, даже и с тем, что виновники — это же государственные деятели.

Люди мира! Найдите мне таких государственных деятелей, которые бы с таким откровенным цинизмом издевались безнаказанно в течение десятков лет над самыми лучшими стремлениями человеческой природы.

Нет! Кроме сталинского „коллектива“ прохвостов, именуемого полит-бюро ЦК ВКП(б) — вы этого нигде не найдете.

Люди мира! Вы уже после второй мировой войны актом нюрнбергского процесса заклеямили античеловеческие преступления Гитлера и его шайки.

Так знайте же, что Гитлер, по сравнению со Сталиным, — это лишь невинный ребенок.

Почему вы не поставите к прозорному столбу Сталина и всю его банду и не изольете на них свой благородный гнев?

Разве вы не знаете кровавых и подлых дел этих дегенератов? Так я вам расскажу о них, ибо я только вчера оттуда!

Для того, чтобы вам был понятен ужас обстановки, в которой очутились репатрианты, и чтобы вы поняли тех, кто не желает, возвращаться в «страну ликующего социализма», я расскажу несколько фактов из практики применения сталинских методов удушения людей, превращения нормальных людей в полудикое состояние, массового уничтожения человеческих жизней; я расскажу о лживости сталинской пропаганды, о несоответствии устных и печатных деклараций с их гнусными практическими делами.

Народы мира! Слушайте жуткие факты из бытия русского народа, народов России, находящихся под сталинским сапогом, и поймите, почему миллион советских людей не желает возвращаться на свою родину!

Слушайте и поймите всю необходимость общественного воздействия на тех государственных деятелей, которые заигрывают с кремлевскими узурпаторами и стараются засыпать пропасть между западом и востоком речами на банкетах, не гнушаясь жать руки отъявленным бандитам двадцатого века.

Народы мира! Вам говорит об этих фактах человек, который вчера только снял солдатскую шинель, чтобы предупредить Вас о грозящей и Вам опасности.

Для иллюстрации положения русских людей и народов России, я сделаю самые скромные подсчеты ужасающих массовых репрессий.

В первый день революции врагами народа объявлены все офицеры царской армии, все полицейские и юстиция, все дворяне, фабриканты и торговцы, все волостные старшины и весь монархический элемент.

Как реакционный элемент, все эти люди подлежали изоляции или физическому уничтожению.

Посмотрите, что это будет в цифрах:

Армия под конец первой мировой войны составляла около пятнадцати миллионов человек. 5 процентов офицерского состава—это процент скромный. Таким образом репрессиям подверглось 750.000 офицеров. Если же взять офицерскую семью только в 4 человека, то фактически репрессиям подверглось 3 миллиона человек. Часть из них расстреляна, другая часть была заточена в концлагеря, а члены их семей до сих пор подвергаются издевательствам потому, что они имели несчастье родиться в грамотной, а потому и офицерской семье.

Полицейский корпус к началу революции насчитывал около 1 миллиона человек: полиция, жандармский корпус, тюремный надзор, суды и т. д. Вместе с семьями подверглось репрессиям 4 миллиона человек.

В старой России насчитывалось около 250.000 промышленных и торговых предприятий, которые подверглись реквизиции и национализации, а владельцы их—репрессии. Вместе с семьями подверглось репрессиям 1 миллион человек.

В дореволюционной России насчитывалось около 250.000 населенных пунктов, сельского типа, во главе которых стояли старосты. Вместе с семьями подверглось репрессиям 1 миллион человек. Итак в первые дни революции подверглось почти поголовному уничтожению около 2.500.000 человек, а 6.300.000 членов их семей подверглись репрессиям, выраженным в лишении их гражданских прав, гражданских свобод, общественному расстрелу коммунистической печатью.

В гражданской войне в разные моменты участвовало до 5.000.000 человек на антибольшевистской стороне, за что эти люди подвергались различного рода репрессиям. Вместе с семьями репрессиям подверглось 20.000.000 человек.

По переписи 1926 года было зарегистрировано 22.000.000 крестьянских хозяйств, из которых 30 проц. были кулацкими хозяйствами. В период 1928—1932 г.г. они подверглись раскулачиванию; таким образом подверглось разорению 6.600.000 хозяйств, а репрессиям (высылка в концлагеря, в отдаленные места) вместе с семьями подверглось 26.400.000 человек. Кроме того подверглись репрессиям так называемые подкулачники. Таких у каждого кулака было не менее двух. Таким образом разорено еще 12.200.000 хозяйств, а репрессиям подверглось 52.800.000 человек.

Вы помните бесконечные процессы «вредителей» в конце двадцатых и в начале тридцатых годов? Таких «вредителей» было брошено в тюрьмы и концлагеря более 100.000 человек, а вместе с семьями пострадало от репрессий более 400.000 человек.

Вы помните знаменитую чистку партии при Ленине в 1921 году? Из нее тогда вычистили 200.000 человек, которые одновременно подверглись и другим видам репрессии: суду, высылке, заточению. Вместе с семьями пострадало от этих репрессий более 800.000 человек.

Сумасшедший закон «о неприкосновенности социалистической собственности», изданный в момент разгара искусственного голода на Украине, Казахстане и в других частях России, написан рукой Сталина и опубликован 7 августа 1932 года; этот закон бросал в тюрьмы на десять лет, как врагов народа и расхитителей социалистической собственности, преимущественно голодных матерей за то, что они решались для своих опухших от голода детей срезать колоски или собирать их на колхозном поле. Этот закон, чудовищный голод и волна судебных процессов довели многих родителей голодных детей до такого затемнения их сознания, что такая культурная республика, как Украина, стала центром массового пожирания матерями своих детей. По этому закону брошено в тюрьмы и лагеря более 20 милл. людей, что с семьями составляет около 80 милл. человек пострадавших.

Изуверский закон о прогулах, бросающий в тюрьму человека за простое опоздание на работу свыше 20 минут, отправил в тюрьмы около 10.000.000 человек, а вместе с семьями пострадало от этого вида репрессий 40.000.000 человек.

В связи с раскрытием дела Тухачевского, Сталин расстрелял 40.000 офицеров. Кроме расстрелянных, около 120.000 офицеров подверглось другим видам репрессии: тюрьме, концлагерю, увольнению из армии, переводу в запас. Вместе с семьями пострадало 640.000 человек. Убийство Кирова в виде акта мести потребовало одного миллиона жертв, что вместе с семьями составляет 4.000.000 пострадавших. Это даже не была месть, т. к. расстреливались совершенно невинные люди и по всем союзным республикам.

Во время войны попало в плен к врагу 5.000.000 солдат и офицеров красной армии. Многие из них попали в плен ранеными или преднамеренно сданными командованием для дезориентировки врага. (Солдаты приходили на фронт и им в течение целых недель не выдавали винтовок, а поэтому они должны были поднимать руки вверх. Отдавая солдат в плен, командование хотело внушить врагу, что у него якобы нет винтовок и боеприпасов; таким методом оно заманивало неприятеля вглубь.) А потом всем попавшим в плен предъявлялось обвинение в нарушении присяги и эти люди подвергались различного рода репрессиям. Вместе с семьями пострадало от этого вида репрессий 20.000.000 человек.

Жесточайшее удушение русского народа, как и народов других союзных республик, обезумевшими от крови кремлевскими диктаторами и жестокостью к военнопленным в гитлеровских лагерях привели к тому, что около 2.000.000 людей решили пойти на блок с кем угодно, лишь бы вести борьбу со сталинским ужасом. Эти люди решились идти вместе с Гитлером против сталинской диктатуры и воевали в рядах немецких войск. Эти люди все подверглись репрессии по закону об измене родине, а в результате—от репрессий пострадало 18.000.000 человек, ибо по этому закону «об измене родине» высылаются в отдаленные края все ближайшие родственники нарушителя. Будучи неукоснительными исполнителями своих же «законов», кремлевские законодатели смели с лица земли Калмыцкую Республику, Татаро-Крымскую, Кабардино-Балкарскую, Чечено-Ингушскую Автономную область и разорили миллионы хозяйств на Украине и Северном Кавказе.

Сталин, этот недоучка во всех областях, свой стратегический план борьбы со своим вчерашним другом—

учеником Гитлером, построил на использовании бесконечных просторов России. Это был план, продиктованный необходимостью. В гораздо больших размерах этот полководец-недоучка и гениальнейший в веках кровопийца решил повторить опыт русского прославленного полководца, спасителя России — Кутузова. Он решил после первых неудач, завлечь с боями, как можно дальше в глубь России своего врага и показать, что силы красной армии разбиты, а потом, пользуясь широким партизанским движением в тылу врага, начать избивать его в глубине России, используя при этом все политические промахи Гитлера и в частности—его зверства, а так же оскорбленное им национальное самосознание русских людей. Сталин в своей речи 3 июля 1941 года призывал население сжигать все свои дома и ничего не оставлять врагу. Этот прохвост думал, что его призыв будет исполнен, а на деле получилось не так. На первом этапе войны население охотно принимало немцев и считало, по ошибке, их своими избавителями от сталинского кошмара и само не сожгло ничего. Таким образом, врагу была сдана территория с 80.000.000 населения. Эти люди, как бывшие под оккупацией, терпят тысячи всевозможных репрессий. Основные из них: они не могут быть приняты на ряд ответственных должностей, если они не были партизанами; любой может их назвать как угодно и оскорбить словами «гитлеровский пособник» совершенно безнаказано; эти люди не могут свободно ездить по территории Советского Союза. Все эти 80.000.000 людей под подозрением. Это чудовищно, но это факт. Факт, что эти миллионы ежедневно находятся в атмосфере враждебности со стороны властвующих.

До сих пор идет безудержное натравливание друг на друга агентами НКВД для того, чтобы выявить, — кто как себя вел во время оккупации. Сталин и его последыши считают, что все граждане на территории оккупации, вплоть до грудных детей, должны были уничтожать немцев, ненавидеть их и строить им разные козни. Для Сталина и его своры нет понятия о термине «мирный человек». Они все думают, что народ должен купаться в лужах крови так, как они купаются в ней сами. Если Сталин и его свора уничтожают очередную жертву, они ищут новую. И в этих поисках новых жертв занят многомиллионный сталинский аппарат партии и НКВД.

Благодаря аванюре Сталина по отношению к союзникам России — Англии, Франции, Америке, 12.000.000 людей были сданы на гитлеровскую каторгу. Союзники, считая нормальным государством институт сталинской диктатуры, около 11.000.000 людей сдали на кровавую расправу Сталину, вернув их домой.

В период 1924—1935 года подверглось репрессиям 500.000 человек из партийной оппозиции, боровшихся со сталинской кликой под руководством Троцкого, Бухарина, Рыкова, Зиновьева. Почти все они подверглись физическому уничтожению, как опаснейший элемент, знающий тайные пружины сталинского аппарата и его слабые места. Вместе с семьями пострадало от этой репрессии 2.000.000 человек.

В конце первой пятилетки, когда настоятельно потребовалась экономия валюты для того, чтобы во что бы то ни стало выполнить, хотя бы в основном, намеченный план индустриализации страны (что требовало массовой закупки оборудования за границей), Сталин и его последователи стали травить религиозных русских людей тем, что колокольный звон, дескать, мешает спать и нарушает спокойствие. Им, этим „труженникам“ расстрелов, с воспаленными от бессонных ночей, от истязания очередных жертв мозгами, мешает колокольный звон. Они требовали прекратить этот малиновый звон колоколов — украшение русской религии, славянского православия. Эти „гуманисты“ ворвались в святое святых русской души и пошли дальше, чем их учитель Маркс, провозгласивший, что религия — опиум для народа.

Построение первой пятилетки потребовало столько золота для торговли с заграницей, что правители - палачи решились на самые последние методы пантажа и вымогательства, выкачивая случайно уцелевшие золотые вещи у населения. Вооруженные бандиты по всем уголкам необъятной России устроили так называемую „неделю сундука“. И все, бывшие в прошлом более или менее зажиточными (или просто интеллигентными) людьми, если у них ничего не находилось на дому при обысках, подвергались массовому заточению в тюрьмы, где претерпевали самые ужасные истязания и пытки: они сутками стояли в холодной ледяной воде, их месяцами выдерживали на самой голодной норме, какую только может знать человек, им выдавали по 50 граммов

хлеба в день и воду; им давали селедку, а потом лишали воды, их избивали сначала следователи, а, если это не помогало, добывать пострадавших поручали отъявленным уголовникам. Очень многие, не имея золота, отдали в мучениях самую жизнь. При снятии колоколов, при вымогательстве золота подверглись репрессиям десятки миллионов людей. Миллионы верующих и десятки тысяч священнослужителей были брошены в концлагеря за устраиваемые ими протесты против насилия над религией.

Если вы подсчитаете количество пострадавших, то вы увидите, что на голову каждого гражданина Советского Союза падает чуть ли не десяток репрессий. Вы поймете, что значит „сталинский рай“, куда поехали репатриированные, и куда не хотят ехать оставшиеся.

Если бы немцы — граждане свободной Америки, воевавшие против Гитлера совместно со всеми нациями мира, узнали, что советских немцев Поволжья лишили их родного крова в первые же месяцы войны и двухмиллионную Республику немцев Поволжья смели с лица земли только потому, что она была в тылу у Сталина, то они могли задуматься. С момента войны все немцы из всех мест военного и государственного аппарата были сняты и заточены в концлагеря.

Эти немцы имели на руках и советский паспорт и зачастую — партийный билет, но сталинский страх и подозрительность не дали им возможности участвовать в освободительной войне против общего врага человечества. Они даже потеряли все гражданские права и лишились веками обжитых мест.

Если вы, немцы по национальности, но американцы по подданству, подобно советским немцам претерпели бы то же самое, то что бы было в Америке и что получилось бы с Америкой?

Я дал вам скромные цифры о тех фактах, которые я знаю.

Но это далеко не все. Ведь в сталинской стране есть уголовный кодекс, в котором более двухсот статей; по каждой из этих инквизиторских статей ежедневно привлекаются к ответственности тысячи нарушителей, зачастую виновных только в том, что они... родились в царстве диалектики. Этим кодексом пользуется сталинский суд, для которого он «резиновый»;

его можно повернуть, как дышло. А впрочем, там люди исчезают даже без всяких кодексов.

В Советском Союзе более 50.000 газет, издающихся типографским способом, более миллиона стенных газет, пишущихся от руки и на машинке. Возьмите любую из них и вы в каждой из них найдете 2—3 жертвы расстрела сталинской печатью. Общественному расстрелу сталинского «общественного мнения» подвергаются те люди, которых нельзя привлечь, как прямых нарушителей, но надо заставить замолчать и беспрекословно выполнять все сумасбродные распоряжения сталинских ставленников. Подсчитайте, сколько жертв, сколько репрессий испытывает население России и сколько оно испытало их за 25 лет сталинской диктатуры — тогда вам будет понятен тот „энтузиазм“ советских людей, с каким они строят и выполняют „великие пятилетние планы „Великого“ Сталина“.

В Советской России более миллиона различных ячеек партийных, профессиональных и комсомольских организаций. Более сотни тысяч различных комитетов «добровольных» обществ, спортивных организаций, научно-технических объединений. Вся эта колоссальная масса ежемесячно по несколько раз заседает, а так как все эти учреждения являются приводными ремнями сталинской диктатуры и школой сталинского воспитания, то на каждом из заседаний обязательно вы найдете 2-3 жертвы обреченных на „проработку“, на вынесение общественных порицаний, на иные виды взысканий. Подсчитайте количество жертв от этого вида репрессий и, может быть, тогда вы услышите истерические нотки в речах в честь «великого Сталина», в приветствиях, в одобрениях всех его начинаний.

В Советской России на предприятиях, в учреждениях и колхозах, сотни тысяч товарищеских судов, которые заняты разбором тех дел, которые неподсудны уголовному кодексу. На эти суды привлекаются для ответа люди по самым глупейшим измышлениям сталинских прислужников. Эти суды каждый месяц имеют по десятку жертв. Все эти суды острие своего жала направляют на «переделку старой психологии». Подсчитайте количество жертв и вам будет понятен истерзанный моральный облик советского человека.

В миллионах предприятий, учреждений и колхозов существуют специальные доски позора, для всех не

выполняющих сталинские вояцкие нормы выработки, для всех не выполняющих чудовищных заданий сталинских вахт и смен.

Каждый день такая черная доска имеет по несколько десятков человек. Подсчитайте количество репрессий «черной доски» и вам будет понятна та покорность, которая стала уделом свободолюбивого русского человека.

В Советском Союзе свыше миллиона различных коллективов: промышленных, торговых, сельскохозяйственных, которые ежемесячно заключают договоры на социалистическое соревнование друг с другом, по которым берут на себя обязательства на лучшее выполнение и перевыполнение правительственных заданий. За ходом выполнения этих договоров следят миллионы партийных тунеядцев, которые с жестокосердием средневековых варваров (режим—ничего не поделаешь) устно, печатно травят и бичуют всех, не выполняющих взятых на себя обязательств. Подсчитайте количество жертв, не выполняющих своих обязательств по договору на соревнование, и вы тогда узнаете, какая безысходная боль и ирония вложена в слова советских людей: — это мы делаем добровольно-принудительно.

Если вы ко всему этому ужасу добавите ужас систематического недоедания, систематического ощущения неполноценности себя, как гражданина, ходящего в оборванной одежде, систематическое торчание в очередях и систематическую «добровольно-принудительную» необходимость участвовать во всех демонстрациях и парадах, необходимость лишать себя последней копейки, подписываясь ежегодно на государственный заем, — вы поймете радость тех людей, которым удалось избавиться от сталинского кошмара, вы поймете их решимость: — лучше лишиться себя жизни, чем возвратиться в этот «рай»; а ведь он хочет стать всемирным.

Осознав все эти ужасы, вы поймете тех людей, которые не хотят возвращаться на родину до тех пор, пока там существует сталинская клика. Вы поймете жуткую трагедию тех репатриантов, которых подлыми методами Сталину удалось вырвать к себе, в свои цепкие лапы. Особенно тяжела участь тех, которые были переданы Советскому Союзу союзниками.

Они попали на территорию советской зоны оккупации в тот момент, когда там скопился двухмиллионный

массив красной армии и около 5 миллионов репатриантов. В это время не хватало продовольствия для пропитания не только для населения и репатриантов, но и для войск красной армии. Часто репатрианты кроме хлеба ничего не видели в своем суточном рационе, а те, которые прибыли из зон союзников, с грустью вспоминали многокалорийное великолепное питание в английской и американской зонах. Эти люди, с благодарностью отзывавшиеся о сердечном приеме их союзными войсками, сразу навлекли на себя подозрение в том, что они являются агентами английской и американской контр-разведок.

И каждое их простое недоумение по поводу действий советской военной администрации рассматривалось последней, как акт контрреволюционных действий. Все репатрианты мужского пола и призывных возрастов, после тщательной фильтровки в органах НКВД, были мобилизованы в армию в оккупационные войска. Это была сознательная мера командования красной армии, которое заставило «козла стеречь капусту». Люди, которые в течение нескольких лет подвергались нечеловеческой эксплуатации и систематическому моральному унижению, получив в свои руки винтовки, естественно, постарались немедленно излить накопившуюся злобу на немцев. Этим в основном и объясняется невообразимый разгул насилий над немецким населением в послевоенные месяцы.

Небезинтересно отметить факт организации лагерей для репатриантов иностранного происхождения. Эти люди питались гораздо лучше, чем советские репатрианты, и обращение с ними было вежливее, корректнее. В суточном рационе этой категории были иные продукты и приготавливались они лучше, чем даже в войсках красной армии.

Это старые и испытанные трюки сталинских заправил, рассчитанные на то, чтобы показать западным государствам, что в советской России царствует демократия и всеобщее довольство.

Нас, русских офицеров, часто волновал вопрос, почему наши власти так цепляются за ту часть насильно вывезенных людей, которая не хочет возвращаться на родину. Эти вопросы возникали тогда, когда репатрианты, переданные с зоны союзников, рассказывали о фактах принудительного возвращения их союзными войска-

ми на родину. И потом мы уже пришли к заключению, что советы будут делать все, чтобы не оставить в руках союзников и вне территории Советского Союза ни одного советского человека. Если старая эмиграция для советов служила живой пропагандой их «правоты», то миллионы новой советской эмиграции являются более действенной пропагандой против сталинской диктатуры и ее кровавого режима.

Если советы публично отказались от старой эмиграции, то в отношении новой эмиграции они пошли на самые подлейшие измышления, обвиняя миллионы людей в тех преступлениях, которые могут делать только лишь Гитлеры и Сталины.

Вот почему много нас, русских офицеров, с чувством благодарности слушало благородную отповедь г-жи Рузвельт палачу от сталинской юстиции, пролезшему на генеральную ассамблею Объединенных Наций в Лондоне—Вышинскому.

Как-то в одном немецком городке, выйдя утром на улицу, я был поражен множеством народа, идущего на железнодорожную станцию. Шли, как демонстранты, по четыре человека в ряд, с рюкзаками за спиной и с постельными принадлежностями подмышками. Все это были молодые девушки и немного мужчин свыше 50 лет. Идущие так бойко и с таким ликующим настроением, распевали песни как их распевают на особо торжественных демонстрациях. Рядом с ними шли сопровождающие полицейские с красными повязками на руках.

Я прихожу в комендатуру и спрашиваю: в чем дело, что за демонстранты, куда собрались ехать.

Дежурный по комендатуре капитан отвечает:

— Никакой демонстрации — это мы просто отправляем людей на демонтаж фабрик и заводов. Они пока не знают этого. Им сказали, что они будут ремонтировать ж. д. мосты. Ведь скоро первое мая, а у нас еще и тридцати процентов оборудования не снято с фундаментов. Ты разве не знаешь, что первого мая мы должны закончить демонтаж? Да! Есть специальная шифровка по этому вопросу. То, что не снимем с фунда-

мента к первому мая, остается в распоряжении немцев. Говорят, что Вильгельм Пикк обратился к советскому командованию с просьбой поскорее все демонтировать, что намечено к вывозу в Советский Союз, ибо он не может мобилизовывать массы на восстановление разрушенного хозяйства Германии, а неясность того, что еще будет демонтировано, создает нервозность и неуверенность в работе владельцев предприятий; вся эта неразбериха мешают ему развернуть борьбу за слияние коммунистической партии Германии с социалистической. Ну, вот и результат: сейчас во всю напираем на быстрейший демонтаж, чтобы к первому мая все закончить.

Да, это действительно по-сталински, по-советски! Додумался Сталин до такого абсурда, когда в школах вывешивают советские дети плакаты: „Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство“. Это пишут дети, которые вообще не знают, что такое детство и что такое простое чувство детской радости. Додумались сталинские опричники и здесь в Германии с песнями заставить немцев разрушать свое хозяйство и славить „великого Сталина“.

Из гарантий, данных Пикку, мне стало понятно, что Сталин и его представители в Германии идут на все, чтобы большевизировать Германию и включить в свою орбиту. Ведь не сердобольное сердце Сталина позволило ему снизить на сотни миллионов рублей репарационные долги Румынии и бросить крылатую фразу представителям Польши: „За кровь денег не берут“.

А не забыл Сталин, как он миллионы русских людей уничтожил только потому, что ему понадобились сбережения этих людей для целей коллективизации и индустриализации, для всеобъемлющей милитаризации советского хозяйства, для пропаганды во всех странах? А не забыл Сталин, как сотни тысяч людей — евреев и когда-то зажиточных слоев населения — он отправил на тот свет за какие-нибудь 5 граммов золота.

Но окончание демонтажа к 1-му мая 1946 года — это просто очередной сталинский трюк, стимулирующий активность его агентов в Германии. Сталину не привыкать быть изворотливой проституткой, зверем и подлецом к своим же близким людям. Этот кровавый временщик сделает все, чтобы только сохранить свое господство; он способен на самые низкие дела во имя своего „я“.

И, конечно, Пикки были свидетелями того, как Ста-

лин приободлив их, своих агентов сегодня, сделал это для того, чтобы завтра их продать или заставить самих выкручиваться, кто как может. А что это было так, я скоро убедился.

Вот я сижу в вагоне военнослужащих. В моем купе, напротив меня сидит капитан из тульского артиллерийского училища, приехавший из Тулы 23 дня тому назад для демонтажа испытательных станков одного военного завода. Он едет из Берлина, куда уже отвез рапорт об окончании демонтажа.

Я ему говорю, что есть такое соглашение советского командования с лидером коммунистической партии Германии и спрашиваю его; что же будет с теми объектами, которые не будут демонтированы к первому мая?

—Что будет? Странный вы человек! Вот сейчас все мы сообщили, что демонтаж окончен, хотя многое еще и не закончено; а что именно не окончено—мы сообщим после первого мая—праздника коалиции. После этого праздника будет дано приказание о переконсервации демонтируемых объектов, после чего мы будем продолжать и дальше свой демонтаж. Вы же знаете, что электрическую дорогу в Лейпциге сняли всю, а когда увидели, что нельзя будет подвозить гостей на лейпцигскую ярмарку и что отсутствие электрической дороги будет угнетающе действовать на гостей, — ее восстановили за 4 дня, с тем чтобы после ярмарки опять снять.

И после всех этих перечисленных здесь трагических комедий, после всего того, что вы здесь прочли, что вы узнали, вы,—читатель, конечно, с омерзением будете слушать сталинские лицемерно—фальшивые речи о мире, о правах „угнетенных“ народов Азии и Африки, о безудержной эксплуатации рабочего класса в капиталистической Америке.

Сейчас сталинские агенты в этих странах развивают бешенную деятельность с тем, чтобы создать и усилить послевоенные затруднения великих держав; эти агенты делают все, чтобы разжечь гражданскую войну и поднять там движение. Пусть это будет пока движение за национальную независимость. Важно натравить одних на других. И уже результаты этой подлейшей сталинской провокации великие державы чувствуют. Эта сталинская работа в Индонезии, в Индии, в Китае, в

государствах Африки, на Балканах. Это его агенты провоцируют там гражданскую войну и неурядицу. Это Сталин—организатор забастовок в Америке.

Господа молотовы и вышинские—эти дипломаты невиданного в истории палача из Гори—так же не уполномочены говорить от имени русского народа, как не могут, не имеют права говорить на Генеральных Ассамблеях от имени угнетенных народов колониальных стран.

Если бы колониальные народы увидели, что Сталин со своими заплочных дел мастерами сделал с народами Средней Азии, с калмыками, монголами, с крымскими татарами, то их охватило бы не только чувство отвращения к таким методам разложения народов, но они бы по-настоящему стали его непримиримыми врагами, ибо любой папуас живет свободнее любого советского человека, даже любимого сталинского опричника.

Слушайте же, что творят «друзья трудящихся» в Германии, посмотрите на тех, кто уже жил в советском «рае» и муки бесприютности предпочел возврату к «любимому вождю», подумайте — нужно ли спасать человечество от тех, кто так усиленно «заботится» о его благополучии?

Эти непрошенные «благодетели», эти безстыдные строители всемирного коммунистического общества поистине ужасны.

Трудно сказать, когда уже они досыта напьются человеческой крови. Но какие страны и какие народы у них на очереди — нетрудно предугадать.